

116
41

~~213-1-31~~
~~149~~
~~149~~

213-3-21

БІТ
А 563их

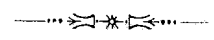
ИСТОРІЯ

ХАРЬКОВСКАГО СЛОБОДСКАГО КАЗАЧЬЯГО

ПОЛКА.

(1651—1765 гг.)

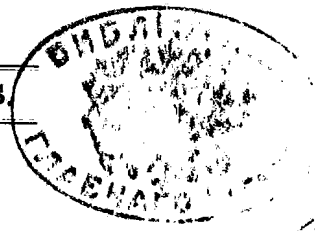
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ СЛОВОДСКИХЪ ПОЛКОВЪ.

ПО АРХИВНЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ СОСТАВИЛЪ

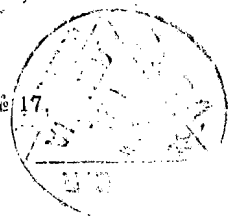
Евгеній Альбовскій.

ЦѢНА 2 РУБ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. Шахова № 17.
1895.

Печатано по разрѣшенію Военно-Учебнаго Комитета Главнаго Штаба.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Дорогимъ товарищамъ-офицерамъ Харьковскаго
полка—свой трудъ посвящаетъ

Авторъ.

ИСТОЧНИКИ.

1. *Д. И. Баталъй.* Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Харьк. 1888 г. Т. I.
2. *Ею-же.* Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и сосѣднихъ Курской и Воронежской губ. Томъ II. Харьк. 1890 г.
3. *Ею-же.* Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Моск. 1887 г.
4. *Ею-же.* Путешествіе академика Гильденштедта по Слободской Украинской губ. Харьк. 1892 г.
5. *Ею-же.* Извлеченіе Пр. Филарета Харьковскаго изъ фамильныхъ записокъ Квитокъ.
6. *Ею-же.* Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Харьк. 1889 г.
7. *Ею-же.* Харьковъ въ XVII столѣтіи и основаніе г. Харькова. Харьковскій Календарь 1885 и 1886 гг.
8. *Бантъшъ-Каменскій.* Исторія Малой Россіи. Моск. 1842 г.
9. *А. Т. Болотовъ.* Записки (1738—1795 гг.). Спб. 1875 г.
10. *Бяляевъ.* О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской Украинѣ Московскаго государства до царя Алексѣя Михайловича. Моск. 1848 г.
11. *Л. Вейдемейеръ.* Обзоръ главнѣйшихъ происшествій съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны. Спб. 1848 г.
12. *Висковатовъ.* Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ. Спб. 1841 г.
13. *Н. Гербель.* Изюмскій слободской козацій полкъ. Спб. 1852 г.
14. *П. Головинскій.* Слободскіе козачіе полки. Спб. 1865 г.
15. *В. В. Гуровъ.* Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и друг. документовъ. Харьк. 1884 г.

16. Дѣла Харьковской полковой канцеляріи (съ 1736 по 1765 г.), хранящіяся въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ.
17. Дѣла военной коллегіи, хранящіяся въ Московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба.
18. Записки фельдмаршала Миниха. Рус. Стар. 1874 г.
19. *Карцеуъ*. Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны. Спб. 1851 г.
20. *Г. Квитка*. Записки о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 г. Харьк. 1883 г.
21. *С. И. Кованько*. Историко-статистическое описаніе г. Харькова. Харьк. Губ. Вѣд. 1859 г.
22. «Книга, глаголемая большой чертежъ». Издан. Спасскаго. Моск. 1846 г.
23. *Г. Коннискій*. Исторія Руссовъ, или Малой Россіи. Моск. 1848.
24. *Н. Костомаровъ*. Мазепа и мазепинцы. Спб. 1885 г.
25. *Ею-же*. Богданъ Хмельницкій. 3-е изд. 1870 г.
26. *П. А. Кулишъ*. Исторія возсоединенія Руси. Спб. 1874 г.
27. *Лазаревскій*. Павелъ Полуботокъ. Рус. Арх. 1880 г.
28. *И. П. Ламбинъ*. Исторія Петра Великаго. Спб. 1843 г.
29. *Ген.-Лейт. Лееръ*. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Спб. 1889 г. Том. I—VI.
30. Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878 г.
31. *Маркевичъ*. Исторія Малороссіи. Моск. 1842 г.
32. *Метлинскій*. Матеріалы для исторіи Малороссіи. Хар. Губ. Вѣд. 1840 г.
33. *Пассекъ*. Очерки Харьковской губерніи.
34. Полное собраніе Россійскихъ законовъ. Спб. 1830 г.
35. *Ришельманъ*. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Моск. 1847 г.
36. *М. Салтыкова*. Дневникъ генерала Патрика Гордона. Часть 2-я. Моск. 1892 г.
37. *П. Семеновъ*. Географическо-статистическій словарь. Спб. 1873 г.
38. Слово о полку Игоревѣ. Вельтманъ. Изд. 2-е. Моск. 1866 г.
39. *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи. Изд. 1870 г.
40. *И. И. Срезневскій*. Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны во время ея заселенія до преобразования въ Харьковскую губернію. Харьк. 1883 г.
41. *М. Судіенко*. Матеріалы для отечественной исторіи. Кіевъ. 1855 г.

42. *И. Теличенко*. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. Кіевская Старина, т. XX. 1883 г.
43. Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества. Харьк. 1883 г.
44. Уложеніе Алексѣя Михайловича. Изд. 1737 г.
45. *И. А. Устиновъ*. Описаніе г. Харькова. Харьк. 1881 г.
46. *Г. Успенскій*. Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Харьк. 1878 г.
47. *Н. Устряловъ*. Исторія царствованія Петра Великаго. Спб. 1863 г.
48. *Пр. Филаретъ*. Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи. Отд. I-е, изд. 1852 г.; отд. II—V, изд. Моск. 1857 г.
49. *Харьковскій Сборникъ*, выпускъ 1-й. Харьк. 1887 г.
50. *Н. Чижевскій*. Старозаимочныя земли. Харьк. 1883 г.
51. *А. Л. Шимановъ*. Главнѣйшіе моменты землевладѣнія Харьковской губерніи. Кіевъ. 1883 г.
52. *К. П. Шелковъ*. Харьковъ. Историко-статистическій опытъ. Харьк. 1880 г.
53. *Ею-же*. Историческая хронологія Харьковской губ. Харьк. 1882 г.
54. *М. Gleszczynski*. Znaczenie i wewnętrzne życie Zaporozża podług Skalkowskiego oraz Hetmani Malorossyjscy i kozacy do czasów unii. Warszawa. 1852. г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Источники	I
Введеніе	1
Глава I	14
Глава II	21
Глава III	33
Глава IV	48
Глава V	59
Глава VI	67
Глава VII	79
Глава VIII	90
Глава IX	100
Глава X	118
Глава XI	132
Глава XII	140
Глава XIII	166
Глава XIV	177
Глава XV	189
Глава XVI	204

Приложенія: Грамота жителямъ г. Салтова 1668 г.
Карта Слободскихъ Полковъ.

И С Т О Р І Я

Харьковского Слободянаго Козачьяго полка.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ мѣстности, гдѣ теперь находится Харьковская губернія съ богатымъ и цвѣтущимъ городомъ Харьковомъ, въ былыя времена кочевали дикія орды разныхъ народовъ. Служа широкою дорогою, край этотъ видѣлъ въ теченіе долгихъ столѣтій много племенъ, смѣнявшихъ другъ друга и являвшихся изъ многолюдной Азіи. Были здѣсь Готы и Гунны въ IV вѣкѣ, Авары и Обры въ VI. Слѣдуя другъ за другомъ, они оставляли по себѣ разные памятники, сохранившіеся до нашего времени:—это „могилы“ (майданы)—большіе земляные курганы, во множествѣ разбросанные по всему необъятному югу Россіи; истуканы каменные, очень грубой работы, извѣстные у народа подъ именемъ „бабы“, разставленные по высокимъ могиламъ, будто для стражи; лѣхи—какія-то подземелья, соединяющіяся между собою, и городища. Въ этихъ могилахъ и лѣхахъ находили различныя старинныя металлическія вещи—оружіе и женскія украшенія, а также и римскія монеты съ изображеніемъ императоровъ первыхъ вѣковъ, свидѣтельствующія, что этотъ край былъ заселенъ уже въ то время.

Затѣмъ здѣсь были Хозары, о которыхъ имѣется уже болѣе извѣстій, какъ жившихъ позднѣе,—въ IX вѣкѣ; ихъ, въ свою очередь, смѣнили Печенѣги, потомъ Торки и Половцы.

Нѣкоторыя названія населенныхъ мѣстъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи и нынѣ свидѣтельствуютъ о пребываніи здѣсь этихъ народовъ. Такъ, напр., Хозарское городище, Хозарское поле, близъ г. Валокъ, Коганово городище, Когановъ перевозъ, м. Печенѣги, въ 23-хъ верстахъ отъ г. Чугуева, и др. Городищами назывались мѣста, на которыхъ прежде существовали какіе-то города, остатки которыхъ сохранились. Предполагаютъ, что время существованія этихъ городовъ относится къ до-татарскому нашествію, т. е. къ XII вѣку; такъ были: Коломацкое городище, Донецкое городище и множество другихъ.

Половцы вели постоянныя войны съ славянскими племенами и долгое время опустошали ихъ земли. Извѣстны два похода въ половецкую землю, одинъ въ 1111 и другой въ 1185-мъ году—походъ Игоря Святославовича, кончившійся пораженіемъ русскихъ князей. Походъ этотъ описанъ въ высоко-поэтическомъ произведеніи „Слово о полку Игоревѣ“, въ которомъ неизвѣстный авторъ воздастъ хвалу тому Донцу, по берегамъ котораго селились впоследствии Харьковскіе казаки¹⁾.

„О Донче! не мало ти величія, лелеявшу князя на волнахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мглами подъ сѣнію зелену древу; строжаше е гоголемъ на водѣ, чайкамъ на струяхъ, чрънядьми (особенный родъ черныхъ утокъ) на вѣтрѣхъ“²⁾.

И какъ было не селиться людямъ въ этой благословенной Господомъ землѣ! Здѣсь было все: непроходимые лѣса, въ которыхъ въ изобиліи водились звѣри и разнаго рода дичь, рѣчки, кишачія рыбою, рядомъ съ густымъ лѣсомъ,—луга, покрытыя чудною травою, и привольныя необъятныя степи, въ которыхъ водились даже дикія лошади.

Климатъ этой мѣстности прекрасный, умѣренный; почва плодородна, съ избыткомъ вознаградившая-бы трудъ человѣка, если-бы онъ захотѣлъ ее обрабатывать.

1) По малороссійскому выговору произносится *козакъ*. Такъ какъ во всѣхъ документахъ и подлинныхъ бумагахъ полкъ это слово пишется чрезъ о, то мы поэтому вездѣ и удержали эту орфографію.

2) Слово о полку Игоревѣ, Изд. 2. Вельтмана. Москва. 1866 г.

И вотъ, начала появляться здѣсь понемногу осѣдлость.

Губительнымъ, всеокрушающимъ ураганомъ пронеслись татары Чингисъ-Хана и Батя по этому краю, превращая на пути своемъ все въ пепель и кучи развалинъ, дѣлая изъ городовъ—городища, и покорили своей власти всю страну. Даже Кіевъ, гдѣ сидѣлъ когда-то Олегъ, наводившій страхъ на могучій Цареградъ, былъ разрушенъ до основанія и долго не могъ оправиться отъ такого погрома. Жители, которымъ удалось избѣжать смерти или неволи, ушли въ болѣе безопасныя мѣста; „набѣги татарскіе однимъ только звѣрямъ, птицамъ и пресмыкающимся не могли воспрепятствовать обиталища“¹⁾.

Нападенія дикихъ татаръ обезлюдили эту мѣстность въ XIII вѣкѣ, а притѣсненія и несправедливости другаго народа, почитавшаго себя цивилизованнымъ, въ XVII населили ее снова.

Край этотъ, подвергавшійся постояннымъ нашествіямъ татаръ, чрезъ который проходили такъ называемыя шляхи и сакмы—степныя дороги (Муравскій, мурава—трава, и др.) ведущіе въ Московское государство, заселенъ ими также не былъ, хотя нѣкоторыя названія бродовъ и перелазовъ и другихъ мѣстъ говорятъ объ ихъ тамъ пребываніи: Ахтырка—Акты-Яръ²⁾—татарскій юртъ, гдѣ татары загоняли свои стада, Изюмская Сакма—чисто татарскія названія.

Южными пограничными русскими городами, „глядѣвшими прямо въ степь“, въ XVI вѣкѣ были: Алатырь, Мценскъ, Орель, Новгородъ-Сѣверскъ, Путивль и другіе. Открытость границъ, незащищенность природою, внезапность и опустошительность татарскихъ нападений побудили московское правительство еще въ XIV вѣкѣ завести сторожевую службу. Въ царствованіе Іоанна Грознаго (1571 г.) было для нея составлено кн. Воротынскимъ общее уложеніе, и въ немъ были собраны тѣ правила, которыми должны были руководствоваться станичники³⁾.

Пограничныя города высылали въ степь разъѣзды, на обязанности которыхъ лежало зорко слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что

1) Топограф. опис. Харьк. Намѣст. Хар. 83 г., стр. 8.

2) Пр. Филаретъ. Истор.-стат. оп. Харьк. епар. Мос. 57 г., отд. 3, стр. 1.

3) Вѣляевъ. О сторож., стан. и полев. службѣ.

дѣлалось въ степи, и предупреждать воеводѣ о возможности неприятельскаго нападенія. Служба эта была до крайности трудная. Вотъ что говорится въ уложеніи: „А стояти сторожемъ на сторожахъ съ коней не съсѣдая перемѣняясь, и ѣздити по урочищамъ перемѣняясь-же на право и на лѣво по два человекъ по наказамъ, каковы имъ наказы дадутъ воеводы. А становъ имъ не дѣлати, а огни класти не водномъ мѣстѣ, коли каша сварити и тогда огня водномъ мѣстѣ не класти дважды, а вкоемъ мѣстѣ кто полдневалъ а въ томъ мѣстѣ не ночевати, а въ лѣсахъ имъ не ставитъ... и того беречи на крѣпко, на которые Государевы Украины воинскіе люди пойдутъ... а которые сторожи, не дождався собѣ обмѣны съ сторожи сойдутъ... и тѣмъ... быти казненнымъ смертью“¹⁾.

Отъ сторожей, на обязанности которыхъ лежало предупреждать о появленіи татаръ, требовалось много внимательности и тонкаго знанія степной жизни: иногда малѣйшіе признаки служили предзнаменованіемъ появленія шакаловъ—степныхъ татаръ;—крики птицъ и звѣрей, убѣгавшихъ предъ ордою, уже были ясными предвѣстниками хищниковъ, несущихъ съ собою гибель и разореніе²⁾. „Сторожи“—это мѣсто въ степи, гдѣ останавливались сторожа, но останавливались, какъ видно изъ приведеннаго, очень не надолго, такъ что ихъ обитаемыми пунктами назвать нельзя.

Въ 1593 году были основаны гг. Бѣлгородъ, Осколь и Валуйки; граница Московскаго государства, такимъ образомъ, отодвинулась на югъ, отодвинулись и сторожи. Въ росписаніи сторожей этого времени упоминаются уже рѣчки и урочища, находящіяся на территоріи Слободской Украины, заселенной въ XVII столѣтіи. Край этотъ, прилегавшій къ южнымъ границамъ Московскаго государства, не принадлежалъ ему; не принадлежалъ онъ собственно никому, хотя частое появленіе здѣсь татаръ дѣлало его какъ-бы татарскимъ. Москва-же продолжала стремиться расширять свои границы далѣе на югъ. Такъ, въ царствованіе Бориса Годунова, въ

1) Бѣленевъ. О сторожевой, станич. и полк. службѣ, стр. 12—13.

2) Балтышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, 42 г., часть I, стр. 122.

1598 г. былъ построенъ г. Царево-Борисовъ¹⁾, далеко лежащій за рубежомъ; но этотъ городъ, выдвинутый одиноко въ степь, продержался недолго, и уже въ 1644 г. въ царскихъ грамотахъ (отъ 14 апрѣля и 4 декабря) встрѣчается только „Царево-Городище“ и „Борисово-Городище“²⁾.

Въ царствованіе Михаила Феодоровича (въ 1636—40 гг.) построенъ былъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ—„Бѣлгородская Черта“ на протяженіи 300 верстъ между рѣками Ворсклой и Днѣпромъ. Эта черта охранялась двѣнадцатью крѣпостями (Вольное, Хотмыжскъ, Карповъ, Бѣлгородъ, Нижегородскъ, Короча, Яблоновъ, Новый Осколь, Верхососенскъ, Ольшанскъ и Коротоякъ). Пространство между этими городами защищалось землянымъ валомъ. Вокругъ этихъ крѣпостей, подъ ихъ защитою, и вдоль вала были поселены служилые московскіе люди. Укрѣпленная черта эта не вполне достигала своего назначенія, ибо нападенія были такъ внезапны, что татары легко прорывались черезъ нее.

Какъ мы уже говорили, уцѣлѣвшіе остатки жителей мѣстностей, сильно пострадавшихъ отъ татарскихъ нашествій, ушли за Днѣпръ. Край этотъ, по разрушеніи Кіева монголами, пересталъ быть центромъ Руси; ибо великокняжескій престолъ былъ перенесенъ во Владиміръ. Подверженный постояннымъ нападеніямъ татаръ и терзаемый междоусобіями русскихъ князей, Кіевъ не могъ оставаться самостоятельнымъ, и въ 1320 г. со всѣми землями по Днѣпру былъ покоренъ Ольгердомъ. Покореніе это для южно-русскаго населенія было благодѣтельно, ибо Литва, въ то время почти уже христіанская держава, присоединила къ себѣ этотъ край, даровавъ жителямъ совершенную равноправность и свободу вѣроисповѣданія. Пробывъ недолго во власти Литвы, южноруссы были подчинены Польшѣ при Владиславѣ-Ягеллѣ, женившемся на королевѣ Ядвига и соединившемъ владѣнія Литвы и Польши въ одно государство. Отъ этого для жителей поднѣпровскихъ не произошло никакихъ перемѣнъ въ первое время, ибо и къ Польшѣ они были присоединены на тѣхъ-же

1) Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 49.

2) Ibidem, отд. V, стр. 56.

правахъ, т. е., какъ равнѣе къ равнымъ. Съ теченіемъ времени эти отношенія начали измѣняться, и русское населеніе подверглось разнымъ притѣсненіямъ. Желая отъ нихъ избавиться, многіе уходили въ нѣкѣмъ незанятыхъ пустынныхъ, недоступныхъ и поэтому непривлекательныхъ для набѣдниковъ мѣста, лежащія при днѣпровскихъ порогахъ, мѣста болотистыя, густо заросшія тростникомъ,—и селились тамъ вольными ватагами, которыя, по мѣрѣ того, какъ численность ихъ увеличивалась, составили дѣлюю общину, получившую въ послѣдствіи правильное устройство, которое имъ далъ Евстафій Дашкевичъ (+1535), староста черкасскій и каневскій, въ продолженіе пяти лѣтъ (съ 1503 г.) находившійся также на службѣ у московскаго царя ¹⁾. Община, имъ устроенная, получила названіе Копѣ (съ татарскаго—станъ) и раздѣлялась на курени. Главнымъ начальникомъ запорожскихъ козаковъ былъ кошевой атаманъ, и первымъ изъ нихъ—Евстафій Дашкевичъ, этотъ бичъ Божій для татаръ.

Такимъ образомъ образовалось „славное запорожское низовое войско“. Живя въ странѣ, постоянно подвергавшейся нападеньямъ татаръ, жители, естественно, должны были всегда быть готовыми къ отраженію непріятеля. Мирно заниматься хлѣбопашествомъ они не могли, ибо труды ихъ въ одинъ день часто бывали уничтожаемы. Эти условія жизни выработали у нихъ особенный строй воинскій, а постоянная боевая обстановка—лихость и отвагу. Они не ограничивались уже пассивною дѣятельностью наблюденія за непріятелемъ, но и сами стали иногда на него нападать; такъ въ 1515 году кошевой Евстафій Дашкевичъ и первый малороссійскій гетманъ Предиславъ Ланцкоронскій (+1531), введшіи воинское устройство среди малороссійскихъ жителей, опустошили Буджакскую орду (между устьями рр. Днѣпра и Дуная). Образование такого воинственнаго народа на южныхъ границахъ государства полякамъ было очень выгодно, такъ какъ они могли не держать здѣсь своего постояннаго войска, предоставляя защиту края козакамъ.

Это отлично понималъ Сигизмундъ I и, желая поддержать

¹⁾ П. А. Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси. 74 г. Томъ I, стр. 45.

дальнѣйшее развитіе козаковъ, даровалъ имъ права, равныя съ правами польскаго шляхетства,—позволилъ селиться хуторами выше пороговъ по обѣимъ сторонамъ р. Днѣпра.

Первый разъ южноруссы получили названіе козаковъ въ 1516 г. ¹⁾. Слово „козакъ“, по всей вѣроятности, происхожденія татарскаго и означаетъ вольнаго, свободнаго, легко вооруженнаго воина—всадника. Очень возможно, что поселившаяся по Днѣпру община получила свое названіе козаковъ отъ татаръ, съ которыми она вѣчно воевала и удержала его за собою, тѣмъ болѣе, что до того времени она не носила какого-либо самостоятельнаго названія. Главою малороссійскихъ козаковъ былъ гетманъ, жившій въ Черкасахъ.

Козацкая община росла, поощряемая правительствомъ, дѣлалась все сильнѣе такъ, что въ послѣдствіи даже возбудила опасеніе королей. Козаки, нападая на границы польской сосѣдки—Турціи и грабя на Черномъ морѣ ея корабли, нерѣдко ссорили эти два правительства. Стефанъ Баторій, предвидя отъ козаковъ опасность для самого государства и для Польскаго господства въ Украинѣ, первый старался ихъ ослабить, но дѣлалъ это очень осторожно; онъ учредилъ реестровыхъ козаковъ, такъ сказать, „подъ ружьемъ“, ограничилъ число ихъ шестью тысячами. Слѣдовательно всѣмъ козакамъ, не вошедшимъ въ число реестровыхъ, предлагалось, забывъ свою вольность и любезную или боевую жизнь, обратиться въ гречкосѣевъ и подчиниться власти помѣщиковъ. Къ неудовольствію, вызванному такимъ стѣсненіемъ ихъ вольностей, присоединилось еще раздраженіе, обусловленное преслѣдованіемъ за исповѣданіе православной вѣры, которую поляки презрительно называли „хлопскою“, и козаки стали уходить на днѣпровскіе острова, гдѣ вскорѣ и образовалась запорожская сѣчь. Эта заставившая громко говорить о себѣ, сѣчь сдѣлалась сборнымъ пунктомъ всѣхъ недовольныхъ козаковъ, желавшихъ отомстить Рѣчи Посполитой за всѣ свои обиды; поводами для набѣговъ ихъ на Польшу были преимущественно религіозныя притѣсненія, слабыя вначалѣ, но ставшія нестерпи-

¹⁾ А. П. Кулишъ. Исторія возсоедин. Руси, т. I, стр. 44. Вантышъ-Каменскій. Истор. Малой Россіи. Москва. 42 г. Часть I, стр. 101.

мыми съ того времени, какъ, призванные въ Польшу Стефаномъ Баторіемъ для борьбы съ протестантизмомъ, іезуиты воздвигли, *ad maiorem Dei gloriam*, жесточайшія гоненія на греко-россійскую вѣру.

Іезуиты, для подчиненія западно-русской церкви власти папъ придумали унію, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: православные должны были признать главенство папы, какъ намѣстника Христа и главы вселенской церкви, обряды западной церкви—наравнѣ со своими; церковный языкъ оставался славянскій. Главная-же цѣль этой уніи, конечно, была въ подчиненіи русской церкви власти папъ, къ которой они постоянно, но неудачно, стремились.

На брестскомъ соборѣ (1596 г.) унія официально была принята, узаконена и начала вводиться силою, жестокостями, вызвавшими рядъ козацкихъ возстаній, повлекшихъ за собою отпаденіе Малороссіи отъ Польши и ослабленіе этого государства.

Каковъ былъ характеръ преслѣдованій и въ какомъ беззащитномъ состояніи находился народъ, можно видѣть изъ того, что, отдавая свои имѣнія въ аренду, польскіе помѣщики вмѣстѣ съ этимъ давали право жиду арендатору „казнить крестьянъ смертью“ за разные проступки, по ихъ усмотрѣнію ¹⁾. Вмѣстѣ съ землею въ аренду попадали и храмы Божіи, изъ которыхъ жида извлекали большую выгоду, ибо за всякую потребу—за крещеніе ребенка, похороны, свадьбу, за право совершать это въ церкви, жидъ бралъ деньги; ни одинъ пощъ безъ квитка, взятаго отъ „ривдаря“ (арендатора), не имѣлъ права крестить или вѣнчать ²⁾.

„Во власти Іуды былъ храмъ Господень, Іуда продавалъ причастіе Духа святаго, Іуда продавалъ Крестъ спасенія“.

Храмы иные были запечатаны, другіе обращены въ синагоги, иконы и церковные сосуды переливались на монеты.

Притѣсненіе православной вѣры и, главнымъ образомъ, отнятіе вольностей, заставило козаковъ—этихъ „*religionis nullius*“, о которыхъ поляки говорили, что „*nie ludzie*“, а просто сволочь,

¹⁾ Рус. Ист. Соловьева, стр. 196; П. А. Кулишъ. Ист. возс. Руси, томъ II, стр. 358.

²⁾ Ibidem, томъ II, стр. 357.

скопище разбойниковъ,—возстать открыто. Къ нимъ присоединились и крестьяне, изнемогавшіе подъ гнетомъ жидовъ, этихъ вампировъ, высасывавшихъ у нихъ послѣдніе гроши. Первое возстаніе было поднято при гетманѣ Косинскомъ. Хотя этотъ Косинскій кончилъ жизнь свою во время попойки въ Черкасахъ, гдѣ былъ убитъ однимъ шляхтичемъ, но народная фантазія сочинила легенду, что онъ погибъ мученикомъ за вѣру православную, будучи замуравленъ живымъ въ каменномъ столбѣ поляками, схватившими его предательствомъ. Имя-же Косинскаго, Криштофъ,—заставляетъ болѣе предполагать, что и возстаніе, поднятое имъ, имѣло своею цѣлью ратовать за свои вольности козацкія, на которыя посягало польское правительство, а не за вѣру, такъ какъ даже гетманами у нихъ бывали нерѣдко католики—поляки знатнаго происхожденія.

Второе возстаніе поднялъ Наливайко (Гвоздичъ—дворянинъ бѣлорусскій). Дѣла козаковъ вначалѣ были удачны—они побили поляковъ подъ Чигириномъ, но, понеся поражение подъ Лубнами, исполняя требованія Жолкевскаго, сами выдали своего гетмана, который и былъ казненъ въ Варшавѣ въ 1597 году. Но и о немъ сложили легенду, будто онъ былъ сожженъ „у мідяному волу“, такъ ужасно погибнувъ за вѣру-же православную ¹⁾.

Народъ изнывалъ также подъ тяжестью всевозможныхъ денежныхъ побороновъ и содержанія польскаго войска, которое введено было на Украину поляками, предвидѣвшими возможность возстанія, но въ фанатическомъ ослѣпленіи своемъ шедшими по пути гнета и насилія все дальше и дальше. Не образумило поляковъ даже и такое проявленіе взрыва народной ненависти, какъ „тарасова нічъ“ (1628 г.), знаменитая своею свирѣпостью и ясно показавшая, что терпѣніе украинскаго народа имѣетъ свои границы, перейдя которыя онъ превращается въ неумолимаго и не дающаго пощады мстителя.

Возстаніе слѣдовало за возстаніемъ; но всѣ они были неудачны, и вожди ихъ, обыкновенно, мучительною смертью платились за поднятіе оружія.

Сеймъ въ 1638 году сдѣлалъ слѣдующее энергичное поста-

¹⁾ П. А. Кулишъ. Ист. возс. Руси. Томъ II, стр. 54—55; 124, 143 и 147.

новленіе даже относительно запорожскихъ козаковъ, которые на самомъ дѣлѣ, были почти независимы отъ короны польской: „запорожскіе козаки за поднятіе возстанія утрачиваютъ навсегда всѣ свои права, привилегіи, старшину и доходы и другія преимущества и обращаются въ хлопъ“¹⁾. О Малороссіи-же, гдѣ польское вліяніе было несравненно сильнѣе и гдѣ легче было приводить въ исполненіе сеймовыя постановленія, и говорить нечего,—народъ тамъ былъ лишень всего, чего только лишить было возможно.

Изнеможенный страданіями и доведенный жидами до крайняго разоренія, народъ, не вѣря въ возможность измѣненія обстоятельствъ къ лучшему у себя на родинѣ, сталъ прибѣгать къ переселеніямъ. Къ этому влекло его еще то, что по сосѣдству лежала земля одноплеменной и единовѣрной Россіи, со своими обильными и никѣмъ незанятыми привольными пустошами.

Между тѣмъ среди Украинскаго народа появился вождь, своею энергіею, умомъ и воинскими дарованіями далеко превосходившій всѣхъ, бывшихъ раньше — это Богданъ Хмельницкій, „козакъ расторопнѣй и въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ, и у писемъ бѣглий“²⁾; но не любовь къ родинѣ, къ несчастію, воодушевляла его, когда онъ брался за оружіе, а личная месть.

Не находя въ судѣ справедливости и защиты противъ своего оскорбителя Чаплинскаго, который силою занялъ его хуторъ Субботово, отнялъ у него любовницу и высѣкъ сына, послѣ чего тотъ и умеръ, Хмельницкій обратился съ жалобою къ королю; но слабый Владиславъ IV не могъ ему помочь ни въ чемъ, хотя и желалъ; что могъ онъ сдѣлать въ государствѣ, гдѣ его подданные магнаты, опираясь на свои колоссальныя богатства, пріобрѣтенныя поборами съ народа, платя деньги шляхтѣ, своевольной и безтолковой толпѣ, за которыя она готова была дѣлать, что угодно,—были далеко сильнѣе короля,

¹⁾ „Kozacy Zaporozcy pro rebellione wzzystkie swoje prawa, przywileje, starozytnę i dochody i inne decora in perpetuum utracają i w chlopów są obrócenici“. M. Głiszczyński. Znaczenie i wew. życ. Zaporozca, стр. 94.

²⁾ Лѣтопись Самовидца. Кіевъ, 78 г., стр. 78.

выбраннаго ими-же съ условіемъ подтверждать и расширять ихъ вольности. Онъ только напомнилъ Хмельницкому, что у козаковъ есть сабли, чтобы мстить за свои обиды. Этимъ Владиславъ указывалъ путь къ возстанію противъ того правительства, представителемъ котораго былъ онъ самъ. Послѣ такого отвѣта самаго короля, Хмельницкому ничего не оставалось, какъ послушаться его и взяться за оружіе. По другимъ источникамъ, словъ этихъ Владиславъ не говорилъ Хмельницкому, но подобное писалъ Черкасскому полковнику Барабашу: „ежели-де жолнѣре есте добрыи, шаблю и силу имѣете, и кто вамъ за себе стать воспяцаеть“¹⁾. Это будто-бы письмо Хмельницкій обманомъ добылъ и съ нимъ отправился въ обычное въ то время мѣсто для всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ—въ Запорожье, гдѣ его козаки приняли съ радостью; оттуда онъ ушелъ въ Крымъ и склонилъ хана на войну противъ Польши. 21 апрѣля 1648 года Хмельницкій выступилъ изъ сѣчи въ походъ уже гетманомъ съ 8 тысячами козаковъ и отрядомъ татаръ, подъ предводительствомъ Тугай-бея, мурзы Перекопскаго.

Прежде всего Хмельницкій направился противъ Чигирина, чтобы отомстить своему врагу.

Рядъ одержанныхъ побѣдъ надъ польскими войсками: у Желтыхъ водъ, Корсуня, подъ Пилявой—высоко поставилъ его въ глазахъ украинскаго народа.

Хмельницкій универсаломъ (отъ 28 мая 1648 г.), въ которомъ именовалъ себя „гетманомъ войска запорожскаго и всея по обѣимъ сторонамъ сущей Украины малороссійской,“ призывалъ народъ къ оружію, объясняя тѣ поводы, которые побуждали его начать возстаніе; причемъ говорилъ, что поднялъ онъ его не противъ короля. Все, что только было способно на Украинѣ носить оружіе, откликнулось на призывъ гетмана и устремилось къ Бѣлой Церкви, куда звалъ универсалъ. Народъ возсталъ и вооружился поголовно. Огонь запылалъ по всей Украинѣ; война велась съ обѣихъ сторонъ съ такимъ ожесточеніемъ, что содрогаешься отъ ужаса, читая повѣствованія лѣтописцевъ, относящіяся ко времени этой истребитель-

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, стр. 219; Г. Успенскій. Опытъ повѣс. о древ. рус. стр. 709; Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Р. 1 ч., стр. 206.

ной войны. Жители всѣхъ городовъ, которые брались непріателемъ, подвергались обыкновенно поголовному избіенію; полъ и возрастъ не спасали никого отъ ножа разсвирѣпѣвшихъ убійцъ.

Послѣ одержанной козаками побѣды подѣ Зборовымъ, заключенъ былъ договоръ, по которому число реестровыхъ козаковъ было увеличено до 40 тысячъ. Договоръ этотъ не обезпечивалъ мира: всѣ, невшедшіе въ число реестровыхъ, должны были, положивъ оружіе, приняться за мирныя занятія. Но трудно это было исполнить народу, у котораго война уничтожила все, трудно тѣмъ болѣе еще, что народъ испыталъ сладость побѣды, свободы. Это понималъ и самъ Хмельницкій, говоря: „поляки поддѣли меня,—я подписалъ договоръ, котораго исполнить нельзя. Только 40 тысячъ козаковъ! что же мнѣ дѣлать съ остальнымъ народомъ!“

Не умѣлъ Хмельницкій воспользоваться плодами побѣды своихъ. Думалъ-ли онъ, собираясь поднять возстаніе съ цѣлью только отомстить за себя, что событія такъ далеко заведутъ его? Послѣ пилевской побѣды Варшава была открыта, тѣмъ болѣе, что въ ней „чернь (католическая) готовилась подняться противъ шляхты по-козацки, и если-бы хотя одинъ козацкій полкъ появился на берегахъ Вислы, то вельможные паны бѣжали бы изъ Варшавы опрелотью“¹⁾; а со взятіемъ ея Хмельницкій могъ-бы продиктовать полякамъ миръ, какой-бы пожелалъ, миръ, который могъ-бы принести и полное освобожденіе, и самостоятельность его родины. Но Хмельницкій, въ расчеты котораго это, повидимому, не входило, колебался, не пошелъ дальше, не смотря на требованіе козаковъ—„веди насъ на Ляхивъ, кивчай Ляхивъ!“ А вмѣсто того онъ, нѣсколько разъ побѣждавшій поляковъ, бравшій гетмановъ въ плѣнъ, „какъ вѣрноподанный“, послушался приказанія вновь избраннаго короля, Яна Казимира, слабago изъ слабыхъ, отступить на Украйну. Съ этого момента дѣло козаковъ, начавшееся такъ удачно, было проиграно; результатомъ этихъ славныхъ побѣдъ—было полное разореніе края.

Хмельницкій рассылаетъ новые универсалы, народъ напря-

¹⁾ П. А. Кулишъ. Ист. воз. Руси, томъ I, стр. 11.

гаетъ свои послѣднія силы; пришли и татары подѣ предводительствомъ самого хана—Исламъ-Гирея; армія союзниковъ простиралась до 300 тысячъ; правда у Хмельницкаго былъ всякій сбродъ, вооруженный чѣмъ попало.

Союзники осадили поляковъ въ укрѣпленномъ лагерѣ подѣ Збаражемъ (1649 г.), на помощь которымъ двинулся король. Хмельницкій съ ханомъ поспѣшили къ нему на встрѣчу и снова одержали полную побѣду. Самъ король, защищаемый горстью храбрецовъ, едва держался. И въ этотъ моментъ Хмельницкій приказываетъ прекратить бой и отступить! Снова былъ упущенъ благоприятный случай и теперь уже навсегда. Заключенный договоръ былъ выгоденъ только для татаръ, да для гетмана съ его реестровыми. Хмельницкій не позаботился объ участи народа, думая только о себѣ; Хмельницкій преклонилъ колѣни, цѣловалъ королевскую руку и благодарилъ за этотъ договоръ, отдававшій несчастный украинскій народъ снова во власть его мучителей.

Миръ продолжался недолго, украинцы не хотѣли подчиниться его рѣшенію, и война вспыхнула снова. Въ битвѣ подѣ Берестечкомъ (1651 г.) козаки понесли страшное пораженіе. Этимъ заключилось возстаніе, поднятое при такихъ, казалось, благоприятныхъ условіяхъ. По бѣлоцерковскому договору, число реестровыхъ козаковъ было ограничено 20 тысячами, гетманъ утверждался королемъ и обязывался не вступать ни въ какія сношенія съ сосѣдними странами; народъ оставался въ прежнеей зависимости у поляковъ и жидовъ.

Истощивъ всѣ силы въ бесполезной борьбѣ, приведшей Украйну въ полное разореніе, народъ понял, что ему собственными силами не избавиться отъ ига своихъ гонителей и, не надѣясь уже болѣе на своего гетмана, не стумѣвшаго воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, видѣлъ все свое спасеніе только въ бѣгствѣ изъ этихъ неблагоприятныхъ для него мѣстъ. И вотъ, потянули они цѣлыми толпами, часто прокладывая себѣ путь вооруженною рукою, искать себѣ новаго отечества, гдѣ бы не было ни пановъ, ни жидовъ, ни уни.

Г л а в а I.

Переселеніе малороссіанъ въ земли, лежавшія южнѣе рубежа Московскаго государства.—Состояніе этихъ земель до переселенія.—Первое массовое переселеніе 1638 г. подъ предводительствомъ Якова Острияницы.—Грамота Московскаго царя по этому поводу.—Раздоръ между переселенцами, уходъ ихъ обратно въ Литву.—Переселенія послѣ Берестецкаго пораженія.—Разрѣшеніе на то Хмельницкаго.—Полтавщина.—Состояніе правобережной Украйны.—Борьба съ татарами изъ-за обладанія землями.—Причины противоѣдствій татаръ заселенію края.—Отношеніе Московскаго правительства къ черкасамъ.—Острогжскій полкъ.—Различіе между этимъ полкомъ и другими слободскими.—Основаніе полковыхъ городовъ Сумъ и Ахтырки.

Еще задолго до бѣлоцерковскаго договора, разочаровавшаго козаковъ въ ихъ надеждахъ избавиться отъ поляковъ, начались переселенія съ правой стороны Днѣпра въ дикія, никѣмъ незанятія и собственно никому не принадлежація мѣста, находившіяся къ югу отъ рубежа тогдашняго Московскаго государства, лежавшаго по мѣстности, гдѣ позднѣе была построена, такъ называемая, Бѣлгородская черта. Всѣ историкки согласно повѣствуютъ о томъ, что земли, гдѣ впоследствии возникли слободскіе полки, со времени нашествія татаръ и до половины XVII столѣтія „были пустыни, дикіе и не имѣли постоянныхъ жителей“¹⁾. Квятка говоритъ, что „земля, на которой поселились слободскіе полки, была необитаема“²⁾.

Первое извѣстное массовое переселеніе³⁾ относится къ 1638 году, когда гетманъ Яковъ (Яцко) Острияница съ сотниками и съ 865 козаками явился на мѣсто Чугуева горо-

1) И. И. Срезневскій. Истор. обозр. граж. уст. Слоб. Укр. Хар. 1883 г., стр. I.

2) Квятка. Зап. о Слоб. пол. Хар. 1883 г., стр. 3.

3) Пр. Филаретъ говоритъ, что въ 1617 г. 10000 козаковъ вышли изъ Польши и отошли къ Донцу, но что иные изъ нихъ потомъ снова возвратились обратно. (Отд. I, стр. 3).

дища, „гдѣ они и построили городъ съ крѣпостью“¹⁾. Въ грамотѣ отъ 14 мая 1641 года царь Михаилъ Феодоровичъ по тому поводу пишетъ: „они (гетманъ и пришедшіе съ нимъ) изъ Литовскія стороны въ наше Московское государство пришли для того, что польскіе и литовскіе люди ихъ крестьянскую вѣру нарушили и церкви Божія разоряють и ихъ побиваютъ, и сосцы у женъ ихъ рѣзали, и дворы ихъ и всякое строеніе разорили и пограбили..... И мы, Великій Государь, жалѣя, что они, черкасы, православныя крестьянскія вѣры греческаго закона, и видя ихъ отъ поляковъ во изгнаніи и смертномъ посѣченіи, велѣли ихъ принять подъ свою царскую высокую руку и велѣли устроить на Чугуевѣ“²⁾.

Черкасами въ Московской Руси назывались днѣпровскіе козаки, по городу Черкасамъ, столицѣ днѣпровскаго козачества. Это названіе распространилось впоследствии на весь южно-русскій народъ. Пришедшіе съ Острияницею черкасы были приведены къ присягѣ на вѣрность московскому государству; имъ велѣно было выдать денежное и хлѣбное жалованіе на первое время. вмѣстѣ съ тѣмъ въ Чугуевъ былъ присланъ воевода Щетининъ и съ нимъ 200 человекъ русскіихъ служилыхъ людей.

Продержались эти выходцы въ Чугуевѣ недолго, ибо въ 1641 году между ними произошли раздоры, кончившіеся тѣмъ, что гетманъ былъ убитъ, а украинцы ушли изъ этого города обратно въ Литву, а, вмѣсто нихъ, сюда были присланы дѣти боярскіе, стрѣльцы, пушкари и козаки³⁾.

Со времени этого неудачнаго водворенія козаковъ въ Чугуевѣ, переселенія малороссіанъ, по словамъ писателей, продолжались; но извѣстія, приводимыя ими о времени выхода ихъ изъ-за Днѣпра и о мѣстахъ, гдѣ размѣщались эти поселенцы, расходятся между собою и часто одни другимъ противорѣчатъ. Эпоха козацкихъ войнъ Хмельницкаго, съ его побѣдами надъ поляками, подававшими козакамъ надежду избавиться отъ ненавистнаго имъ польскаго господства на Украй-

1) Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 3.

2) Ibidem, отд. I, стр. 2.

3) Ibidem, отд. IV, стр. 41.

нѣ, должно было остановить на время эти переселенія, такъ какъ малороссіянамъ не было основанія покидать свою родину въ этотъ періодъ, они рассчитывали добиться желаемой независимости у себя дома.

Послѣ-же берестецкой битвы и бѣлоцерковскаго договора, показавшаго всю несбыточность ихъ желаній, Богданъ Хмельницкій, противъ котораго былъ сильный ропотъ по всей Малороссіи, желая успокоить народъ, объявилъ универсаломъ о своемъ позволеніи, до прибытія на Украину польскаго войска, переходить куда ему угодно на новыя мѣста — въ Полтавщину, въ Крымъ и Россію.

„Тогда жь Хмельницкій, ожидая угоднаго къ отомщенію времени, позволилъ утѣсняемому народу отъ Ляховъ вольно сходить изъ городовъ къ Полтавщинѣ и за границу въ Великую Россію на житье. Изъ того времени начали осѣдать: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Ахтырка и иныя слободскія мѣста ажъ до рѣки Дону козацкимъ народомъ“¹⁾.

Событіе это въ лѣтописи Самовидца показано подъ 1651-мъ годомъ.

Полтавщиной назывались земли, принадлежавшія Полтавскому полку, — пустыя мѣста по теченію рр. Псла, Сулы и Ворсклы, гдѣ паслись стада и табуны гетманскіе и лошади козацкой артиллеріи, для надзора за которыми тамъ были хутора²⁾.

Пользуясь позволеніемъ, народъ потянулъ цѣлыми толпами и селился по теченію рѣкъ Ахтырки, Сулы, Псла, при впаденіи р. Харькова въ Лопань, по Тихой Соснѣ и Сѣверскому Довцу³⁾. Переселенія эти, начавшіяся съ 1651 года, продолжались непрерывно до 1654. Украина почти опустѣла, представляя изъ себя однѣ только развалины: „въ городахъ правобережныхъ счетомъ люди остались, толпами бѣгутъ пѣшіе на лѣвую сторону въ наши города“. „Изъ большихъ и малыхъ городовъ, селъ и деревень шли обозы съ возами, нагруженными прочанами (переселенцами) съ ихъ семьями и пожитками; на вѣки оставляя родину своихъ предковъ, они

¹⁾ Лѣтопись Самовидца. Изд. 78 г. Кіевъ, стр. 234.

²⁾ П. Головинскій. Слоб. воз. пол. Прим. 21.

³⁾ Д. И. Багалъй. Очерки изъ вст. колон. и быта, стр. 392.

нерѣдко сожигали свои жилища“¹⁾. Переселенцамъ пришлось, на первыхъ-же шагахъ, вступить въ борьбу съ татарами, завоеывая себѣ отъ нихъ силою оружія тѣ мѣста, которыя они выбирали для своего селенія. Крымцамъ, конечно, очень не нравилось пришествіе воинственныхъ козаковъ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Этотъ опытъ они получили въ постоянныхъ стычкахъ и нападеніяхъ даже на ихъ собственное гнѣздо — Крымъ. Не нравилось это имъ потому, что черкасы заслоняли собою южныя границы Московскаго государства, къ которымъ татары проложили себѣ торныя дороги, часто разгуливая по нимъ съ цѣлью пожнвиться московскимъ добромъ. Недовольные заселеніемъ этимъ, татары, естественно, мѣшали козакамъ своими частыми нападеніями, такъ что черкасамъ на первое же время приходилось вести упорную борьбу, строить укрѣпленія и жить въ вѣчномъ страхѣ, ожидая ежеминутнаго нападенія дикихъ хищниковъ. Но они, закаленные въ опасностяхъ, предпочитали все это тѣмъ угнетеніямъ на своей родинѣ, отъ которыхъ могли избавиться только бѣгствомъ. Подкрѣпляемые постоянно новымъ волнами, сгущавшими населеніе, переселенцы крѣпли, дѣлались сильнѣе и, въ концѣ, прочно завоевали отъ татаръ Москвѣ этотъ край, чего эта послѣдняя въ продолженіи долгаго времени не въ силахъ была сдѣлать.

Московское правительство съ самаго начала смотрѣло очень дружелюбно на переселеніе черкасъ, селя ихъ по Бѣлгородской чертѣ; заселеніе-же дикихъ мѣстъ южнѣ своихъ границъ оно должно было встрѣтить еще болѣе сочувственно, такъ какъ переселенцы прикрывали „государевы украины“ и такимъ образомъ, брали на себя борьбу съ степными хищниками. Царь Алексѣй Михайловичъ отдалъ приказаніе: „не препятствовать ни въ чемъ поселяющимся народамъ и не дѣлать никакихъ затрудненій въ расположеніи и устройствѣ ихъ поселеній и объявить имъ Его Царскаго Величества милость, обнадеживъ, что и впредь царскою милостью они жалованы будутъ“²⁾.

¹⁾ Д. И. Багалъй. Заселеніе Харьков. края, стр. 6—7.

²⁾ Квитка. Зап. о сл. пол., стр. 7; П. П. Срезневскій. Ист. обзорніе, стр. 5; П. Головинскій. О сл. пол., стр. 50—53. Пр. Филаретъ. Ист.-ст. обзорніе, отд. IV, стр. 37.

„Тотъ часъ послѣ берестецкаго сраженія тысяча козаковъ возникшаго тогда Острогожскаго полка, подъ начальствомъ какого-то Ивана Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ, — гнавшихся за разбитыми силами Хмельницкаго, убѣжали за границу и просили царя позволить поселиться имъ на московской землѣ.“ „Царь не позволилъ имъ селиться около Путивля и Бѣлгорода, какъ они того хотѣли, и приказалъ построить имъ городъ на берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ. Украинцы явились на мѣсто жительства въ готовые дома, снабженные даже хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія. Царь даровалъ имъ право удержатъ все прежнее козацкое устройство: чинъ полковника, сотниковъ, эскадровъ, всю организацію украинскаго полка. Это былъ первый слободской полкъ“¹⁾.

Этотъ Острогожскій полкъ (онъ назывался также еще Рыбинскимъ), хотя и носилъ названіе Слободскаго, но во многомъ отличался отъ остальныхъ полковъ, ибо возникъ онъ нѣсколько при иныхъ условіяхъ да и общаго съ ними почти ничего не имѣлъ. Онъ поселился не самовольно, а съ разрѣшенія Московскаго правительства, причемъ даже просьба переселенцевъ занять земли около Бѣлгорода и Путивля была неисполнена; между тѣмъ какъ остальные полки заняли мѣста самовольно и послѣ уже признали свою зависимость отъ Москвы. Черкасы, пришедшіе съ Ив. Дзинковскимъ, по приглашенію воеводы Арсеньева, нашли готовые даже дома, снабженные хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія, черкасамъ-же другихъ полковъ самыя земли часто приходилось занимать не иначе, какъ съ бою. Поселеніе притомъ Острогожскаго полка на самой Бѣлгородской чертѣ дѣлало жизнь его не такою опасною, какъ городовъ, лежащихъ за этою чертою, да и укрѣпленъ былъ этотъ полковой городъ несравненно лучше другихъ полковыхъ поселеній. Нахожденіе-же его на самой чертѣ обусловило то, что полкъ этотъ болѣе тяготѣлъ къ великорусскимъ городамъ, ибо, благодаря своему положенію, находился въ болѣе тѣсной связи съ ними. Да и самая территория этого полка относительно другихъ слобод-

1) Н. Костомаровъ. Богданъ Хмельн., 3 изд., стр. 4—5.

скихъ лежала на сѣверо-востокъ и отдѣлялась отъ нихъ большимъ и незаселеннымъ пространствомъ¹⁾.

„Извѣстно, что селился онъ (Острогожскій полкъ) по зазывной грамотѣ воронежскаго воеводы Арсеньева, но сей полкъ ни случаевъ, ни обстоятельствъ, сообразно Сумскому, Харьковскому и Ахтырскому и общаго участія службы съ помянутыми тремя полками не имѣлъ“²⁾.

„Сей полкъ присоединенъ къ другимъ полкамъ слободскимъ по единственному соизволенію Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича въ 1700 году“³⁾.

„Поселеніе Острогожскаго полка на берегу Тихой Сосны началось при другихъ условіяхъ дѣла, чѣмъ объясненное поселеніе Слобожанъ“⁴⁾.

Время возникновенія этого полка относится къ 1652 году, по сообщеніямъ П. Головинскаго, когда воевода Арсеньевъ послалъ зазывную грамоту (отъ 30 іюля). Совмѣстно съ черкасами были поселены въ Острогожскѣ и великороссіяне⁵⁾, что еще болѣе отличаетъ его отъ другихъ слободскихъ полковъ.

Полковой городъ Сумы основанъ въ 1652 году; черкасы поселялись „на дикомъ гиляковомъ полѣ, гдѣ прежде татары ходили воевать путивльскія, рыльскія и др. украинскія мѣста“⁶⁾.

Г. Ахтырка (Ахтырскъ) еще до переселенія черкасъ былъ пограничнымъ городомъ Польши и заселенъ уже Малороссіянами, которые оставили этотъ городъ послѣ перехода его въ 1647 году подъ власть московскаго государства. По удаленіи черкасъ, правительство прислало въ Ахтырку своихъ служилыхъ людей, но въ очень небольшомъ количествѣ. Вновь заселена Ахтырка выходцами изъ-за Днѣпра, „какъ кажется“⁷⁾, въ 1654 г.; другіе относятъ это заселеніе къ 1653 году⁸⁾, „но невзвѣстно, когда именно“. Этотъ городъ сдѣлался въ скорости

1) Д. И. Багалъй. Очерки изъ ист. колонизаціи, стр. 421.

2) Квитка. Зап. о слоб. п., стр. 26.

3) Ibidem.

4) П. Головинскій. Слоб. коз. п., стр. 57.

5) Ibidem, гл. I.

6) Д. И. Багалъй. Очерки изъ ист. колонизаціи, стр. 421.

7) Ibidem, стр. 429.

8) П. Головинскій. Слоб. коз. полки, гл. I.

центромъ возникшаго Ахтырскаго Слободскаго козачьяго полка.

Такъ какъ поселенія переселенцевъ, начавшись съ запада, по мѣрѣ прихода новыхъ партій, шли по теченіямъ рѣкъ далѣе на востокъ до р. Сѣверскаго Донца, то Сумской уѣздъ теперешней Харьковской губерніи заселился ранѣе и гуще другихъ. И даже теперь замѣчается бѣльшая густота населенія въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ губерніи, сравнительно съ юго-восточными.

Такъ произошло возникновеніе трехъ слободскихъ украинскихъ городовъ, послужившихъ центромъ образовавшихся затѣмъ трехъ самостоятельныхъ козачьихъ полковъ—Острогожскаго, Сумскаго и Ахтырскаго.

Г л а в а II.

Преданіе объ основаніи полковаго города Харькова.—Историческія данныя, доказывающія неосновательность этого преданія.—Портреты Харькв.—Время возникновенія г. Харькова по преданію.—Названіе „рѣки Харькова“ по „Бнигѣ, глаголемой большой чертежъ“.—Возникновеніе города на какомъ-то городищѣ.—Мнѣніе профессора Аристова о происхожденіи названія г. Харькова.—Другое преданіе объ основаніи г. Харькова.—Несостоятельность его.—Мнѣніа о годѣ основанія города.—Грамота Петра Великаго, свидѣтельствующая о свободномъ доступѣ на Украйну татаръ.—Появленіе черкасъ на городищѣ и постройка города.—Размѣры его и первоначальныя укрѣпленія.—Мѣсто, занимаемое укрѣпленіемъ.—Иванъ Карвачъ, первый Харьковскій осадчій.—Назначеніе Волна Селифонтова Харьковскимъ воеводою.—Отсутствіе въ то время въ городѣ полковника.—Отказъ черкасъ строить новыя укрѣпленія, приказанныя воеводою.—Мотивы этого отказа.—Жалоба В. Селифонтова на харьковцевъ въ Москву.—Недоразумѣніа между черкасами, воеводою и московскими служилыми людьми.—Указъ Алексѣя Михайловича.—Обязанности воеводъ.—Постройка новыхъ укрѣпленій.—Описаніе ихъ.—Окрестности г. Харькова.—Просьба къ Черниговскому архіерею о присылкѣ священниковъ.—Икона Елецкой Божіей Матери.—Постройка церкви.—Учрежденіе бѣлгородской епархіа.—Слободское духовенство.

„Еще дѣдъ моего дѣда зашелъ въ этотъ край, а именно въ окрестности Харькова, когда было здѣсь весьма мало народу. Татары кочевали тогда на этомъ берегу Донца и разѣзжали въ теперешней Харьковской губерніи, какъ въ своей землѣ. Первые поселенцы, прорываясь сюда съ разныхъ мѣстъ Польши и Малороссіи небольшими партіями и даже отдѣльно семьями, должны были выбирать для своего поселенія мѣста скрытныя и недоступныя. Для этого удобнѣе другихъ было мѣстоположеніе между двумя рѣками Харьковомъ и Лопанью, тамъ, гдѣ эти рѣки, сливаясь между собою и имѣя весьма болотистые берега, поросшіе частымъ луговымъ лѣсомъ, дѣлали его съ трехъ сторонъ мѣстомъ недоступнымъ, а съ четвертой оно прикрывалось сплошнымъ лѣсомъ, по горѣ между рѣками, доходивша мѣ тогда до теперешняго кафедральнаго собора. Оно

представляло такое скрытное убъжище, что, вѣроятно, было избрано для поселенія еще первыми переселенцами, которые, по слабости силъ своихъ, были не въ состоянїи защищать открыто себя и свои имущества отъ хищничества татаръ. Гдѣ-же на описанномъ мною мѣстоположенїи могло быть первое поселеніе, какъ не тамъ, гдѣ чистая, здоровая вода давала первую, необходимѣйшую, послѣ пищи, потребность въ быту поселеннаго. Рѣчная вода не представляла еще такого удобства. На всемъ этомъ пространствѣ въ одномъ только мѣстѣ есть родниковая вода, при самой р. Харьковѣ, такъ называемая, Бѣлгородская криница“.

„Первый поселенецъ, конечно, поселился при ней хуторомъ. Хуторъ его, какъ первое поселеніе, дало названіе своему мѣсту, потомъ рѣкѣ и уже впоследствии городу; и этотъ первый поселенецъ былъ Харько. Жилъ онъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ (т. е., не позже 20-хъ годовъ XVII ст.), вышелъ онъ изъ Польши въ качествѣ предводителя нѣсколькихъ семействъ; часто онъ истреблялъ партїи татаръ, грабившихъ поселенцевъ; одинъ разъ, преслѣдуя грабителей, онъ былъ разбитъ ими и потонулъ въ Донцѣ; жилище его было разграблено и уничтожено; долго оно, такимъ образомъ, оставалось впустѣ, пока не явились новые выходцы, которые заселили лѣвый берегъ Лопани, при устьѣ которой образовался впоследствии городъ, но названіе свое онъ получилъ по первому поселенію“¹⁾.

Таково преданіе объ основанїи Харькова, но заслуживаетъ ли оно довѣрія,—это другой вопросъ. Смахиваетъ этотъ рассказъ на многія другія преданія, которыми, за недостаткомъ болѣе точныхъ свѣдѣній, старались всегда объяснить возникновеніе городовъ, причемъ ихъ названіями пользовались для воспроизведенія имени основателя. Такимъ образомъ, первые лѣтописцы наши розыскали Кїя, основавшаго будущаго Кїевъ.

Невѣроятно, конечно, въ этомъ рассказѣ нѣтъ ничего, и принять его было-бы можно, если бы онъ опирался хотя на какія-либо документальныя данныя и не шель-бы, къ тому-

¹⁾ Д. П. Багалъй. Основаніе г. Хар. Харьковскій Календарь 86 г., стр. 67.

же, въ разрѣзъ съ другими болѣе точными извѣстіями по этому поводу. Тѣмъ не менѣе, это повѣствованіе долго принимали за историческую истину, и мифологическій Харько почитался патриархомъ черкасъ, поселившихся вѣкогда на теперешней территорїи г. Харькова; о томъ, что преданію этому придавали вѣру, свидѣтельствуютъ портреты Харька, продававшіеся въ Харьковѣ¹⁾.

Преданіе говоритъ, что основаніе города относится къ 20-мъ годамъ XVII вѣка, но ни одинъ документъ не подтверждаетъ этого; напротивъ, намъ вѣдь извѣстно, что въ 1638 году появился Яковъ Острианица и на мѣстѣ Чугуевского городища построилъ городъ.

Въ „книгѣ, глаголемой большой чертежъ“, писанной въ 1627 году, а составленной въ концѣ XVI вѣка, ибо „сдѣланъ былъ этотъ чертежъ давно при прежнихъ государяхъ“, говорится: „а рѣка Угримъ пала въ Уды, а Лопинъ пала въ Харкову; а Харкова пала въ Уды“²⁾... „А выше Донецкаго городища, съ правой стороны впала въ Уды рѣка Харкова, отъ городища съ версту, а въ Харкову пала рѣка Лопина“³⁾. Итакъ, этотъ старинный документъ повѣствуетъ, что названіе рѣки „Харькова“ было уже извѣстно за много лѣтъ до переселенія черкасъ изъ-за Днѣпра и постройки, слѣдовательно, города. Донецкое городище—это остатки г. Донца, бывшаго въ XII вѣкѣ; въ этотъ городъ прибѣжалъ изъ доловецкаго плѣна князь Сѣверскій, Игорь Святославовичъ.

Г. Харьковъ, подобно очень многимъ городамъ этой мѣстности, возникъ также на какомъ-то городищѣ⁴⁾, которыми, естественно, поселенцы охотно пользовались, какъ представляющими болѣе защиты отъ нападенія. Значитъ, до возобновленія городища черкасами, здѣсь была прежде жизнь, былъ цѣлый городъ.

Н. Я. Аристовъ въ своей статьѣ „о землѣ Половецкой“ говоритъ, что г. Харьковъ позднѣе былъ построенъ на мѣстѣ

¹⁾ Ibidem, стр. 68.

²⁾ Книга, глаг. бол. чертежъ. Изд. Г. П. Спасскаго. М. 1846, стр. 14.

³⁾ Ibidem, стр. 32.

⁴⁾ Д. П. Багалъй. Очерки изъ ист. колон., стр. 422 и Матеріалы, том. I, стр. 22.

древняго половецкаго города Шаруканя, названнаго по имени хана Шарука; объ этомъ городѣ упоминается въ лѣтописяхъ, говорящихъ о походахъ русскихъ князей въ половецкую землю. Названіе города Шаруканя, по его разрушеніи, было присвоено рѣкѣ. Явились сюда козаки и построили городъ на городищѣ, назвавъ его именемъ рѣки ¹⁾, причемъ перенесли названіе по своему, принявъ во вниманіе „филологическую возможность перехода Ш въ Х“ ²⁾. Если брать этимологическій путь для объясненія происхожденія названія города, то слово „Харьковъ“ несравненно ближе подходитъ къ слову „Каркачъ“—имени перваго Харьковскаго осадчаго, положившаго основаніе города, чѣмъ къ „Шарукань“. Если Ш легко переходитъ въ Х, то для К сдѣлать это обыкновенно бываетъ еще легче. Каркачъ—Харкачъ—звучать почти одинаково. Но все это праздыя соображенія, ибо Каркачъ съ черкасами появился здѣсь и строить сталъ городъ въ половинѣ XVII вѣка, а названіе рѣки „Харкова“ извѣстно уже было въ XVI стол.

Объ основаніи Харькова, впрочемъ, существуетъ, кромѣ преданія о Харькѣ, еще и другая варіація.

Нѣкій Андрей Квитка, прозванный такъ за свою красоту (квитка, по малороссійски, цвѣтокъ), оставшись послѣ смерти своего отца, умершаго въ тюрьмѣ, на попеченіе вѣрнаго слуги Агафона, былъ привезенъ имъ въ Кіевъ; потомъ, понавъ въ домъ Кіевскаго воеводы, у котораго была дочь,—Квитка, какъ водится, влюбился въ нее. Но такъ какъ сирота Квитка, безъ роду и племени, не могъ надѣяться, чтобы воевода отдалъ за него свою дочь, то влюбленная пара бѣжала, сочеталась бракомъ и поселилась съ немногими козаками въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи возникъ г. Харьковъ, и хуторъ свой назвали „Основой“. Около бѣлгородской криницы, на берегу рѣки, стоялъ другой хуторъ, очень понравившійся Квиткѣ. Въ то мѣсто онъ началъ зазывать переселенцевъ, бѣжавшихъ изъ Польши; когда-же число ихъ значительно увеличилось, то они стали строить городъ, осно-

¹⁾ Топограф. опис. Хар. намѣст., стр. 49.

²⁾ Д. Н. Багалъй, Основ. Хар., стр. 77.

ваніе котораго преданіе это относить къ 1646 году, когда въ немъ впервые раздался звонъ колокола ¹⁾.

Преданіе это еще менѣе имѣетъ общаго съ истиной и разбивается уже тѣмъ, что „Основа“ была куплена полковникомъ Григоріемъ Семеновичемъ Квиткою въ 1713 году у Захаржевскихъ, владѣвшихъ ею до этого времени ²⁾.

Одновременно по всей территоріи Харьковской губерніи начали возникать многіе города и селенія; одни нѣсколькими годами раньше, другіе позже. Подъ именемъ города нужно понимать укрѣпленные мѣста; а укрѣпляли тогда не одни города—даже самыя маленькія поселенія, напр., пасѣки не оставались безъ укрѣпленій—рва, вала, или полисада ³⁾. А такъ какъ Харьковъ въ числѣ ихъ ничѣмъ особеннымъ не отличался, то и основаніе его прошло совершенно незамѣтно; вслѣдствіи этого ни одному изъ историковъ не удалось опредѣлить точно года его возникновенія. Преданіе относить его начало къ 20-мъ годамъ XVII столѣтія, Квитка къ 1646, профессоръ Д. И. Багалъй къ 1654-му ⁴⁾, неизвѣстный авторъ „топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества“ къ 1653-му ⁵⁾.

Въ грамотѣ Петра Великаго, данной Харьковскому полку отъ 7 мар. 1705 г., сказано, что козаки Харьковскаго полка приишли изъ разныхъ заднѣпровскихъ и малороссійскихъ городовъ и „поселились въ Харьковѣ и того полку городѣхъ на татарскихъ займахъ, куды былъ ихъ бусурманскій свободный подъ украинскіе города проходъ, и построили хутора и мельницы и всякіе заводы завели по своей черкасской обычности“ ⁶⁾. Изъ этой выдержки видно, что первые поселенцы поселились на землѣ, не принадлежавшей тогда Москвѣ или, по крайней мѣрѣ, гдѣ власть ея была очень ничтожна; на землѣ скорѣе татарской, куда они имѣли „свободный“ доступъ.

¹⁾ Г. Квитка. Основаніе Харькова. „Молодыкъ“ на 1843 г. Укр. Литер. Сбор., изд. П. Бенцаго, ч. I.

²⁾ Пр. Филаретъ. Оп. Хар. епар. Отд. II, стр. 129.

³⁾ Кулишъ. Ист. воз. Укр., т. I, стр. 387.

⁴⁾ Д. И. Багалъй. Очеркъ изъ ист. колон., стр. 427.

⁵⁾ Стр. 49.

⁶⁾ В. В. Гуровъ. Сбор. рѣшеній, стр. 521—524.

На Харьковское городище одновременно явилась цѣлая партія черкасъ, а не одинъ человекъ, какъ повѣствуетъ преданіе; извѣстіе это несомнѣнно, ибо опирается на документахъ, найденныхъ почтеннымъ изслѣдователемъ мѣстной старины проф. Д. И. Багалѣемъ. Количество переселенцевъ въ этой партіи было довольно значительное, такъ какъ своими поселениями они заняли все городище, „наставили дворами“, дома же въ то время строились очень скученно, почему ихъ должно было помѣститься на городищѣ не мало, ибо окружность его, по чертежу Чугуевского воеводы Гр. Спешнева, равнялась 530 саженьямъ ¹⁾. Первымъ дѣломъ переселенцевъ было озабочиться о своей безопасности отъ татарскихъ набѣговъ—они начали строить укрѣпленіе, окружили себя тыномъ, хотя онъ, наскоро построенный, былъ низкій и рѣдкій ²⁾. Укрѣпленіе заняло возвышенное мѣсто, въ углу между сливающимися здѣсь рр. Харьковомъ и Лопанью, то, гдѣ въ настоящее время находятся Присутственные мѣста, соборъ и университетъ.

Подобно другимъ партіямъ переселенцевъ, имѣвшимъ своихъ предводителей: Чугуевская—Якова Острианицу, Острогжская—Ивана Дзенковского, Харьковская пришла подъ начальствомъ нѣкоего Ивана Каркача, который былъ первымъ Харьковскимъ осадчимъ, что видно изъ „хронографическаго описанія г. Харькова“ ³⁾ 1767 года. Это-же самое подтверждаетъ и другой документъ (описаніе г. Харькова), представленный въ Екатеринославскую комиссію ⁴⁾. Пришшая партія имѣла уже особую организацію; это видно изъ того, что первый Харьковскій воевода, Воинъ Селефонтвъ, долженъ былъ, по царскому указу, строить крѣпость, „посоветовавшись съ черкасскими начальными людьми и рядовыми черкасами“ ⁵⁾, хотя о полковникѣ и полковомъ старшинѣ здѣсь и не говорится.

Есть предположеніе, что въ 1655 году въ Харьковъ явилась и другая партія черкасъ въ 800 человекъ съ атаманомъ Максимомъ Тимофеевымъ ⁶⁾.

¹⁾ Д. И. Багалѣй. Матеріалы къ ист. колон., т. I, стр. 22.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Д. И. Багалѣй. Матеріалы, т. II, стр. 216.

⁴⁾ Его-же—Очерки изъ ист. колон., стр. 428.

⁵⁾ Его-же—Матеріалы, т. I, стр. 22.

⁶⁾ Его-же—Очерки изъ ист. колон., стр. 427.

Изъ указа Бѣлгородскаго воеводы Чугуевскому отъ 22 декабря 1655 года видно, что во вновь возникшій г. Харьковъ воеводою былъ тогда назначенъ Воинъ Селефонтвъ ¹⁾. Въ другомъ документѣ отъ 23 марта 1656 года говорится: „По нашему указу велѣно быти на нашей службѣ въ чугуевскомъ уѣздѣ, для городского строенія въ Зміевѣ Якову Хитрово, а въ Харьковѣ Воину Селефонтвову и велѣно имъ тѣхъ городовъ зміевскихъ и мохначескихъ и печевѣжскихъ и хорошевскихъ черкасъ вѣдать во всемъ, а тебѣ тѣхъ черкасъ вѣдать ни въ чемъ не велѣно.. А будетъ тебѣ на Чугуевѣ... про проходъ татаръ учинятся вести... и ты бы... ссылаясь съ Яковомъ Хитрово и Воиномъ Селефонтвовымъ... сообщая за одинѣ... новые города Зміевъ и Харьковъ и тѣхъ городовъ служилыхъ людей черкасъ отъ татарскія войны заступили и въ плѣнъ и въ расхищеніе не выдалъ“ ²⁾. И въ этомъ документѣ о полковникѣ и старшинѣ не говорится, а Харьковъ названъ городомъ новымъ; такъ какъ воеводы съ появленіемъ полковниковъ и слободскихъ полковъ черкасами не заведывали,—въ ихъ распоряженіи были только московскіе служилые люди, то, значить, въ то время (1656 г.), когда отдавался приказъ Селефонтвову и Хитрово „вѣдать“ черкасъ, полковника въ Харьковѣ можно сказать утвердительно, еще не было. Московскій воевода, назначенный сюда „для городского строенія“, по своему пріѣздѣ съ состоящими при немъ московскими людьми, сразу-же хотѣлъ приступить къ постройкѣ новыхъ укрѣпленій, по образцу московскихъ городовъ, признавая укрѣпленія, построенныя козаками по ихъ „черкасскому извычаю“, недостаточными. Согласно указу, онъ началъ совѣтоваться съ начальными людьми, но съ первыхъ-же ша-

¹⁾ Д. И. Багалѣй. Матеріалы, стр. 77.

Примѣчаніе. Это самый старинный документъ, въ которомъ говорится о г. Харьковѣ. Въ этомъ указѣ Бѣлгородскій воевода, дѣлая выговоръ воеводѣ Чугуевскому, вслѣдствіи жалобы Селефонтвова на то, что въ Харьковъ изъ Чугуева посылаются служилые люди, несоотвѣтствующіе своему назначенію, малолѣтніе, безъ лошадей, безъ оружія и не въ полномъ числѣ,—грозитъ гнѣвомъ царя и на будущее время предписываетъ поступать по указу, ибо отъ его „бездѣльной корысти“ можетъ случиться „какое дурно“.

²⁾ Пол. Собр. Зак. Т. I, № 175.

говъ у нихъ пошли недоразумѣнія. Черкасы хотѣли удовольствоваться построенными уже укрѣпленіями, не желая строить новыхъ, мотивируя свой отказъ: „мы людишка бѣдные, голодные, еще пашни не распахали и хлѣбомъ не обзавелись и дворами не построились“, ¹⁾ общія исполнить требованіе воеводы, когда вполне устроятся, грозя даже въ противномъ случаѣ покинуть городъ: „дѣлать де намъ такой острогъ не вмочь и всѣмъ-де намъ отъ такого острожнаго дѣла разбрестись розно“ ²⁾.

Кромѣ того „черкасы учинились непослушны“ и въ другомъ, отказались нести сторожевую службу („на отъѣзжія сторожи“) въ степи и исполнять другіе наряды. Воевода жаловался въ Москву, что Харьковцы „безпрестанно пьютъ и бражничаютъ, а унять ихъ некому“ ³⁾. „Многожды“ жаловался Селефонтовъ въ Москву, но отвѣта никакого не получалъ, ибо московское правительство дорожило новыми своими подданными, ясно сознавая всю пользу отъ нихъ для безопасности своихъ южныхъ границъ.

Между черкасскими поселенцами, съ одной стороны, и воеводами и Московскими служилыми людьми, съ другой,—были вѣчныя недоразумѣнія. Привыкнувъ у себя въ Московскомъ государствѣ къ безусловному повиновенію своей власти, воеводы, естественно, стремились подчинить тому-же и малоросіянъ, не хотѣвшихъ сносить всей тяжести московскихъ порядковъ. Воеводамъ было не по праву, что черкасы свободно занимаютъ себѣ земли, не несутъ никакихъ повинностей, не признавая никакихъ законовъ, кромѣ своей „черкасской общности“. зная притомъ, что государь на ихъ сторонѣ, приказавъ воеводамъ „не препятствовать ни въ чемъ поселяющимся народамъ и не дѣлать никакихъ затрудненій въ распоряженіи и устройствѣ ихъ поселеній и объявить Его Царскаго Величества милость, обнадеживъ, что и впередъ царскою милостью они жалованы будутъ“ ⁴⁾.

На обязанности воеводы лежало заботиться о городскихъ

¹⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы, т. I, стр. 22.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Пассекъ. Очеркъ Хар. губ., стр. 39. и др.

укрѣпленіяхъ, завѣдывать русскими служилыми людьми, состоящими при нихъ. Заботясь о безопасности города, воевода завѣдывалъ городскими караулами и посылалъ разъѣзды въ степь, „чтобы татарова и воры черкасы къ Харькову безвѣстно не пришли и людей не побили и въ полонъ не поймали и конскихъ и животинскихъ стадъ не отогнали“. О полученныхъ отъ сторожей и разъѣздовъ извѣстіяхъ относительно движенія татаръ воевода немедленно долженъ былъ извѣщать Бѣлгородскаго воеводу. На храненіи у воеводы былъ ключъ отъ пороховаго погреба—„зелейной казны“,—онъ раздавалъ и записывалъ приходъ и расходъ огнестрѣльныхъ припасовъ ¹⁾.

Воевода Воинъ Селефонтовъ пробылъ въ Харьковѣ съ 1655 года по 1658 г. и въ теченіи этого времени окончилъ укрѣпленіе города. По описанію г. Харькова 1663 года (разыскано проф. Д. И. Багалъемъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи), укрѣпленія его состояли въ слѣдующемъ:

„Крѣпость его или острогъ состояла изъ дубоваго тына съ обламами, котками, помостами и засыпными тарасами; обламы—это брустверь въ стѣнѣ, высотой въ грудь стрѣлка, котки—бревна, которыя помѣщались на вершинѣ стѣны или башни, и скатывались на врага во время приступа; стѣна рубленая тарасами состояла изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно другъ къ другу подъ прямымъ угломъ поперечными стѣнами, такъ что образовались кѣтки, которыя наполнялись землею или камнями. Тынъ былъ окруженъ рвомъ. Воевода Сухотинъ (бывшій въ Харьковѣ въ 1660—62 гг.) построилъ другой тынъ и сдѣлалъ ровъ возлѣ него въ ширину и глубину по 2 саж. Въ стѣнахъ находились 10 башенъ („баштъ“), покрытыя драпью; однѣ изъ нихъ были проѣзжія, т. е. имѣли ворота, другія—глухія; вся окружность стѣны равнялась 475 саж., т. е., немного менѣе одной версты, форму она имѣла четырехугольную, на четырехъ углахъ ея было по башнѣ, и эти башни носили названіе наугольныхъ;—одна изъ нихъ была вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣстовой; въ ней висѣлъ вѣстовой колоколь (въ 10 пуд. вѣсу, прислан-

¹⁾ Д. И. Багалъй. Хар. въ XVII ст. Харьковскій Календарь 85 г., стр. 618.

ный въ 1675 г. изъ Москвы ¹⁾, другая находилась у р. Харькова, третья у р. Лопани, а четвертая тоже у Лопани; въ башнѣ Тайницкой помѣщался тайникъ съ колодцемъ, простиравшійся въ длину на 16 саж., а поперекъ на 1½ саж. ²⁾.

„Всѣхъ пушекъ (пищалей) было 12: 10 желѣзныхъ, 11-я мѣдная, а 12-я затинная. Около рва подлѣ города былъ набить честики въ дубовыя колоды; это частоколь, состоящій изъ кольевъ, расположенныхъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга въ шахматномъ порядкѣ, кольца были вбиты въ дубовыя колоды, позади честика были еще расположены надолобы, т. е., обрубки дерева, стоймя вкопанные въ землю въ одинъ или нѣсколько рядовъ“ ³⁾.

Тотъ-же воевода Вас. Сухотинъ, на случай осады города неприятелемъ, чтобы дать пріютъ жителямъ деревень, немѣвшихъ своихъ укрѣпленій и дѣлавшихся жертвою татарскихъ нападений, къ главному укрѣпленію пристроилъ пригородокъ; онъ обнесенъ былъ тыномъ изъ стоялаго дуба съ обломами, котками и помостами; высота стѣны была 1½ саж. а окружность 240 саж. ⁴⁾.

Внутри крѣпости помѣщались дома казаковъ, храмъ Успенія Пр. Богоматери, приказная изба; въ крѣпости было вырыто шесть колодезей. Значитъ, г. Харьковъ состоялъ какъ бы изъ двухъ городовъ: одинъ внутренній, помѣщавшійся въ крѣпости; другой между крѣпостью и наружною стѣною,— послѣдній назывался большимъ городомъ и „мистомъ“. Кромѣ козаковъ, въ этомъ второмъ городѣ жили еще мѣщане, занимавшіеся разными промыслами и торговлею. Такимъ образомъ, г. Харьковъ, лежащій въ углу сливающихся двухъ рѣкъ, бывшихъ, по свидѣтельству многихъ писателей, въ то время

¹⁾ Описание г. Хар., составл. воев. В. Сухот.—Хар. Календ. 85 г., стр. 621.

²⁾ Всѣ 10 башенъ носили слѣд. названія: Московская, Чугуевская, Лопинская, Рождественская, Никольская (опис. г. Хар., сост. воев. В. Сух.), Тайницкая (Багалъй. Основ. г. Хар., стр. 75), Протопоповская (соч. Квитки, том. III, стр. 122), Деркачевская, Новая (Ibidem) и Шаповаловская (Хар. Ист. Ар. Отд. I, № 124).

³⁾ Д. И. Багалъй. Осн. Хар., стр. 74—75. Затинная пищаль—длинное крѣпостное орудіе, которое устанавливалось на затинѣ—барбетѣ. (Энцикл. воен. и мор. наукъ г. Леера, т. III, стр. 241).

⁴⁾ Д. И. Багалъй. Осн. Харькова.

очень полноводными, былъ защищенъ, кромѣ своихъ искусственныхъ сооружений, съ трехъ сторонъ водою, съ четвертой же, съ сѣвера, его защищала дремучій лѣсъ, доходившій въ былыя времена до самаго города. Дикіе хищники—татары и казмыки, такіе ловкіе и неуловимые въ степи, не любили лѣса и избѣгали его.

Съ восточной стороны города, подъ горою, р. Харьковъ текла въ болотистой долинкѣ, по которой разбросаны были роци; эти болота на далекое разстояніе простирались какъ въ одну, такъ и въ другую сторону отъ города; съ южной и западной стороны Харьковъ былъ окруженъ дико растущими плодовыми деревьями—яблонными, грушевыми, вишневыми, черешневыми и др., а также сосновыми и березовыми рощами, которыя далѣе на западъ прерывались снова болотами по теченію р. Лопани. А дальше, за этими рощами и болотами, съ нагорной части города, съ крѣпости, видны были синѣющіе лѣса, уходящіе въ даль ¹⁾.

Есть преданіе, что Харьковцы, приступая къ постройкѣ города, обратились съ просьбою къ Черниговскому архіерею прислать имъ священниковъ для построения храмовъ. Исполняя эту просьбу, архіерей, вмѣстѣ со своимъ благословеніемъ на это дѣло, прислалъ въ Харьковъ и подлинную икону Елецкой Божіей Матери ²⁾. Пришедшее духовенство, кончивъ свое дѣло, возвратилось обратно, но иконы съ собою не взяло, боясь нападенія татаръ. Образъ этотъ такъ и остался въ городѣ. По словамъ-же пр. Филарета икона эта попала въ Харьковъ въ 1687 г., когда ее привезъ съ собою кн. Барятинской и, будучи при смерти, отдалъ ее въ Успенскій соборъ ³⁾. Если то преданіе справедливо, то значитъ, въ первое время въ церковномъ отношеніи черкасы зависѣли отъ архіереевъ Малороссіи. Оставляя родной край, переселенцы везли съ собою обыкновенно и всѣ церковныя принадлежности, даже колокола, и на мѣстѣ, избранномъ для поселенія складывали новыя себѣ церкви. Въ Харьковѣ, одновременно съ его возникно-

¹⁾ С. И. Кованько. Истор. стат. оп. Хар., Хар. Губ. Вѣд. за 1859 г., № 8.

²⁾ Сочиненіе Квитки, т. III, стр. 88.

³⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 12.

вениемъ, была построена церковь св. Николая чудотворца; вскорѣ былъ построенъ въ крѣпости и Успенскій соборъ, деревянный, стоявшій въ 25 саж. отъ настоящаго. Церкви—Благовѣщенія Пр. Богородицы, Рождества Христова и Воскресенія Христова построены въ 1655 г. ¹⁾.

Въ 1667 г. была учреждена Бѣлгородская епархія, и Харьковскій полкъ въ числѣ другихъ слободскихъ, въ церковномъ отношеніи съ этого времени былъ подчиненъ бѣлгородскимъ митрополитамъ (первый митр. Θεодосій, сербъ) ²⁾.

Украинское духовенство не представляло изъ себя того замкнутаго сословія, въ которомъ священство переходило-бы отъ отца къ сыновьямъ, какъ-бы по наслѣдству. Нерѣдко священники бывали избираемы самими прихожанами изъ своей-же среды, какъ по своему желанію, такъ и по указанію старшины, иногда даже и лицъ шляхетскаго происхожденія. Бывали примѣры, что вліятельные козаки мѣняли свою лихую черкеску съ откидными рукавами на скромную рясу священника, а сыновья этихъ послѣднихъ отдавали предпочтеніе саблѣ, вступая въ ряды ранговыхъ козаковъ. Духовенство полка состояло изъ одного протопопа, живущаго въ г. Харьковѣ, и приходскихъ священниковъ, которымъ полагались подданные. Такъ, въ вѣдомости 1728 г. показано, что за духовенствомъ и церковными служителями Харьковскаго полка числилось 91 дворъ съ 350 человекѣми подданныхъ ³⁾.

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 30, 33, 38 и 43.

²⁾ Ibidem, отд. I, стр. 5 (изд. 52 г.).

³⁾ Мос. Отд. Арх. Гл. III, оп. 25, св. 321.

Г л а в а III.

Сохраненіе переселенцами прежняго своего козацкаго устройства.—Происхожденіе названія слободъ.—Неизвѣстность точнаго года основанія полка.—Отсутствіе въ городѣ Харьковѣ въ первое время полковника.—Постепенное сложеніе полка.—Балаклейскій полкъ.—Полковникъ Яковъ Черниговецъ.—Указъ о соединеніи Балаклейскаго полка съ Харьковскимъ.—Кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко.—Г. Салтовъ.—Выдѣленіе г. Харькова изъ числа другихъ поселеній.—Мнѣніе о времени, съ котораго полковникъ Ѡ. Репко управлялъ Харьковскимъ полкомъ.—Повелѣніе Алексѣя Михайловича о вѣдѣніи слободскихъ полковъ посольскому приказу.—Грамота жителямъ г. Салтова.—Дѣленіе населенія полка.—Дворянскіе роды.—Владѣніе землею.—Подраздѣленіе ранговыхъ козаковъ.—Свойственники, подпомощники, подсосѣды, посполитые, владѣльческіе и др.—Положеніе ихъ.—Область полка; дѣленіе полка на сотни.—Мѣстечки и города, входившіе въ составъ полка.—Члены полковой старшины.—Клейноды.—Полковая рада.—Число выборныхъ козаковъ.—Вооруженіе и снаряженіе ихъ.—Лошади.—Одежда слободскихъ козаковъ.—Хлѣбопашество, скотоводство.—Опасность отъ татарскихъ нападений.—Письмо протоіерея Балаклеи и челобитье жителей г. Савинска.—Винокуреніе.—Покровительство Москвы.—Льготы, пожалованныя козакамъ.

На мѣстахъ новой своей осѣдлости, козаки, не зная никакого другого устройства, кромѣ воинскаго козацкаго, завели естественно, тѣ-же порядки, къ какимъ привыкли изстари; и порядки эти сохранились еще даже тогда, когда Слободская Украина вполне подчинилась вліянію Москвы, ибо царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ „не препятствовать слобожанамъ въ устройствѣ ихъ поселеній и не мѣшаться въ ихъ внутренній распорядокъ“ ¹⁾.

Переселившіеся изъ за Днѣпра малороссіяне, помимо даннаго имъ Москвою наименованія—черкасы, стали называться еще слобожанами, а весь ихъ край „Слободской Україною“:

Г. Квитка даетъ слѣдующее объясненіе этимъ словамъ. „свободное поселеніе и занятіе земли по прозволу на мало-

¹⁾ П. Головинскій. Слоб. воз. полки. Гл. I.

россійскомъ языкѣ выражается—„поселиться слободно (свободно)“; это дало сему поселенію наименованіе „слободъ“; по народу-же, приходившему большею частью изъ Украины и поселяющемуся „на Украинѣ“ (на границѣ)—„украинскихъ слободъ“¹⁾. Слѣдовательно, козаки въ этомъ названіи, которое они сами себѣ дали, выразили ту свободу и приволье, которыя встрѣтили здѣсь.

Образовавшіеся изъ слободскихъ козаковъ полки стали называться „слободскими козачьими полками“ (московское правительство называло ихъ еще „черкасскими“ и „украинскими“). Подобно тому, какъ неизвѣстно точно появленіе партіи черкасѣ съ Иваномъ Каркачемъ на Харьковскомъ городищѣ и основаніе города, неизвѣстно также точно образованіе Харьковскаго слободскаго полка. Первые грамоты были выдаваемы московскими царями не на имя полковника или полковой старшины, а просто въ Харьковѣ, „къ нашимъ, Великаго Государя, служилымъ и всякимъ жилецкимъ людямъ, именно черкасамъ“ (1659 г.)²⁾. Въ указѣ В. Селефонтону приказывалось совѣтоваться при постройкѣ укрѣпленій съ черкасскими „начальными людьми“. Рядъ-же жалованныхъ грамотъ съ 1668 г. по 1743 г. данъ уже на имя полковниковъ. Изъ этого нужно вывести то заключеніе, что до этого времени правильнаго дѣленія на полки, какое видимъ въ послѣдствіи, еще не было.

Въ составъ Харьковскаго полка при томъ не сразу вошли всѣ тѣ села и города, которые позднѣе, при полковникѣ Григоріи Донцѣ, составляли область его. Одновременно съ существованіемъ уже полковника въ Харьковѣ, въ Балаклеѣ, напр., былъ свой полковникъ, управлявшій имъ до 1673 г.; кромѣ того, былъ тамъ сотникъ Шумейко, атаманъ Коляда и другая старшина. Самъ полковникъ балаклеійскій, Яковъ Черниговецъ, въ письмѣ своемъ къ воеводѣ Саковкину писалъ, что онъ стоитъ „со своимъ“ полкомъ тамъ-то. Слѣдовательно, тогда былъ балаклеійскій самостоятельный полкъ. Этотъ Яковъ Черниговецъ былъ дпхой воинъ, часто билъ татаръ,

1) Г. Квятка. О сл. пол., Современ., томъ XVII, стр. 65.

2) Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 119—20, 127, 129.

„деталь соколомъ“ за ними по степямъ. Прийдя съ козаками на Слободскую Украину въ 1663 г. и пробывъ полковникомъ въ Балаклеѣ 14 лѣтъ, Як. Черниговецъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, въ силу распоряженія кн. Ромодановскаго, воеводы бѣлгородскаго, отъ полковничества отставленъ въ 1677 г., а „бульклѣйскій полкъ“ велѣно полковнику Гр. Донцу соединить съ Харьковскимъ „воедино“ и писаться „однимъ Харьковскимъ полкомъ“¹⁾.

Далѣе, очень близко отъ Харькова—въ Мерефѣ—жилъ кошевой атаманъ запорожской сѣчи—Иванъ Сѣрко. Что онъ тамъ дѣлалъ—неизвѣстно, но трудно допустить, чтобы такое лицо, какъ кошевой, могъ-бы подчиняться Харьковскому полковнику. Такъ какъ въ Сѣчи жить женщинамъ не позволялось, а женатые козаки держали свои семейства гдѣ-нибудь на сторонѣ, то, можетъ быть, и присутствіе Сѣрка въ Мерефѣ этимъ только и объясняется, ибо онъ все время до смерти (1680²⁾ съ 1658 г. былъ кошевымъ; хотя рядомъ-же съ этимъ есть извѣстіе, что Сѣрко завѣдывалъ во время смутъ, произведенныхъ гетманомъ Брюховецкимъ, Зміевскими, Мерефянскими и Печенѣжскими черкасами. Сѣрка даже называютъ Харьковскимъ полковникомъ³⁾.

Далѣе, нами разыскана въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ грамота, данная царемъ въ 1668 г. жителямъ г. Салтова, принадлежавшаго послѣ къ Харьковскому полку. Если-бы Салтовъ въ то время былъ въ составѣ полка, то эта грамота не была бы выдана жителямъ этого города отдѣльно, ибо въ томъ же году и въ то-же число—19 февраля—подобная-же грамота, только нѣсколько иной редакціи, была пожалована и Харьковскому полку.

Такой порядокъ замѣчался и на позднѣйшихъ территорияхъ другихъ полковъ: такъ, въ Котельвѣ, напр., былъ свой полковникъ Жученко,—а Котельва, вѣдь такъ близко отъ полковаго города Ахтырки⁴⁾.

1) Д. И. Багалъй. Матеріалы, томъ I, стр. 180.

2) Лѣтопись Самовидца, стр. 150.

3) Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 500—1.

4) Пр. Филаретъ. Отд. III, стр. 89.

Изъ этого всего можно видѣть, что Харьковскій полкъ въ томъ составѣ, въ какомъ онъ является ко времени принятія полка Донцомъ, сложился далеко не сразу, а въ составъ его постепенно входили города и села. Видимо, по нѣкоторымъ причинамъ г. Харьковъ началъ видѣяться изъ всѣхъ сосѣднихъ поселеній, сдѣлался центральнымъ пунктомъ, къ которому начали тяготѣть другіе признавая свою зависимость отъ него. Въ первые годы существованія города, въ Харьковѣ, по всѣмъ даннымъ, не было и полковника. Пр. Филаретъ дѣлаетъ предположеніе, что полковникъ Репко „вѣроятно съ 1657 г. принялъ на себя завѣдываніе полка“,—а этотъ Репко былъ первымъ полковникомъ харьковскимъ. Не имѣя ни какихъ документальныхъ данныхъ, которыя говорили-бы за или противъ этого предположенія, мы, съ своей стороны, ничего не можемъ сказать по этому поводу.

Сложившимся тремъ самостоятельнымъ слободскимъ полкамъ—Сумскому, Ахтырскому и Харьковскому—царь Алексѣй Михайловичъ, повелѣніемъ 1668—69 годовъ, приказалъ быть въ вѣдѣніи посольскаго приказа. Это распоряженіе свидѣтельствуется, что московское правительство смотрѣло на слободскіе полки скорѣе какъ бы на своихъ союзниковъ, чѣмъ какъ на своихъ обыкновенныхъ подданныхъ ¹⁾. Такъ грамота жителямъ г. Салтова, о которой мы упоминали выше, очень характерно рисуетъ отношенія московскаго правительства къ черкасамъ. Гетманъ Брюховецкій, ради привлеченія козаковъ на свою сторону, возвелъ на царя разныя небылицы. Алексѣй Михайловичъ, желая, вѣроятно, поддержать вѣрность между салтовскими черкасами, прислалъ имъ грамоту, въ которой, „свидѣтельствуясь Господомъ Богомъ“, увѣрялъ ихъ, что у него „и у мысли“ ничего такого не было, въ чемъ обвинялъ его гетманъ; говоря, что онъ всегда желалъ и желаетъ жителямъ покоя, тишины и благоденствія, царь вмѣстѣ съ тѣмъ *проситъ*, напоминая ихъ „обѣщаніе“ быть вѣрными, наговорами этимъ не довѣрять, а вѣрить его словамъ; обѣщая, въ награду за все то милость „свыше прежняго“ ²⁾. И это пи-

¹⁾ П. Головинскій. Сл. воз. полки, гл. II. В. В. Гуровъ. Сборникъ, стр. 99—100.

²⁾ Грамота 1668 г. См. приложение.

шетъ самодержавный Московскій царь Алексѣй Михайловичъ, хотя добрый и „тпшайшій“, а все-же непривыкпій говорить такимъ тономъ со своими великороссійскимъ подданными.

Все населеніе полка, который занималъ не одинъ городъ, а, какъ увидимъ далѣе,—цѣлую область, дѣлилось на козаковъ, мѣщанъ и селянъ (посполитыхъ). Среди козаковъ было много шляхтичей, лицъ дворянскаго происхожденія; быть шляхтичемъ въ Польшѣ не значило быть католикомъ и непременно полякомъ: этимъ достоинствомъ пользовались и лица русскаго происхожденія. Въ Харьковскомъ полку такими дворянскими родами были Захаржевскіе, Шидловскіе, Ковалевскіе и др.

Панство, которое обыкновенно составляло полковую и сотенную старшину, въ свою очередь дѣлилось на шляхетство и простыхъ пановъ. Различіе между ними заключалось въ томъ, что первые имѣли у себя во владѣніи крестьянъ, вторые-же этимъ правомъ могли только пользоваться временно, когда состояли на службѣ, вмѣсто денежнаго жалованія, котораго не получали. Спустя столѣтіе, въ царствованіе Екатерины II, въ 1762 г. Харьковской полковой канцеляріи указано было представить вѣдомость всѣмъ лицамъ шляхетскаго происхожденія съ доказательствомъ своихъ правъ на это достоинство, т. е. имъ было предписано доставить царскія и польскіе королей жалованныя грамоты. Канцелярія отъ себя разослала предписанія во всѣ сотни съ приказомъ переписать всѣхъ шляхтичей, если таковые гдѣ есть, и представить вѣдомости съ доказательствами въ полкъ. Не смотря на то, что въ полку жили Квитки, Донцы, Шидловскіе, Ковалевскіе и др., всѣ сотни донесли, что въ ихъ степяхъ не оказалось ни одного такого шляхтича, который могъ-бы это свое достоинство доказать ¹⁾.

Всѣ сословія полка пользовались земельною собственностью, которую приобрѣтали или путемъ „заимки“—свободнымъ занятіемъ никѣмъ незанятыхъ пустопорожнихъ земель, (право первыхъ поселенцевъ—*jus primi occupantis*), или съ позволенія полковника. Подобно панству, раздѣлялось такъ-же и ду-

¹⁾ Харьк. Ист. арх., отд. I, № 329.

ховное сословіе; изъ нихъ лица шляхетскаго происхожденія имѣли своихъ крестьянъ.

Выборные козаки (ранговые, реестровые или регистровые), которые, кромѣ службы войсковой, никакихъ другихъ повинностей не несли, имѣли нѣсколько разрядовъ. Реестровые или сотенные козаки составляли собственно полкъ, ходили въ походы и несли другіе воинскіе наряды. Въ козаки выбирались люди способные къ боевой службѣ; отъ нихъ требовалось удалство, ловкость, сила и лихое наѣздничество. Далѣе слѣдуютъ хорунжевые козаки—они состояли при полковомъ штабѣ (прапорѣ), находились въ непосредственномъ вѣдѣніи полковника и составляли какъ-бы его гвардію. При полковомъ прапорѣ, кромѣ того, находилась еще команда, составленная изъ такъ называемыхъ полковыхъ козаковъ, выбираемыхъ изъ старшинскихъ дѣтей полковникомъ; они назначались для разныхъ командировокъ съ командами, для посылки съ приказаніями и т. п.; они не получали никакого содержанія отъ полка, но изъ нихъ назначались сотники на открывающіяся вакансии.

Въ крѣпостяхъ были еще пушкаріи при пушкахъ, которыя приобрѣтались на средства полковой или сотенной старшины.

Семейства козаковъ распались на слѣдующія группы, подобно той роли, которую играли онѣ въ козачествѣ. Къ первой категоріи принадлежали всѣ семейства козаковъ и ихъ свойственники, изъ которыхъ выбирались способные нести строевую козачью службу; ко второй группѣ принадлежали семейства, которыя не выставляли служилыхъ козаковъ, но за то должны были содержать этихъ послѣднихъ; на деньги, собираемыя съ нихъ, покупались лошади (по двѣ на каждого козака), оружіе, сѣдла и платье, а такъ-же провіанты въ походахъ; они во время походовъ брались такъ-же погонщиками. Эти козаки носили названіе „подпомощниковъ“ („подпомощники“). Такихъ подпомощниковъ давалось старшимъ отъ 2 до 6 человекъ; козакамъ же выборнымъ (они назывались позднѣе еще козаки—компанійцы) отъ 2 до 8 на каждого, смотря по важности—богатымъ меньше, бѣднымъ больше¹⁾. Кто же изъ подпомощниковъ не имѣлъ собственнаго хозяйства, тотъ

¹⁾ Д. И. Багалъй, Матеріалы. Томъ I, стр. 181.

денегъ не платилъ, но за то долженъ былъ, живя въ семействахъ, выставившихъ козака на службу, работать на нихъ; въ такомъ случаѣ они назывались „подсосѣдками“.

Наконецъ, между селянами различались владѣльческіе, монастырскіе и свободные; они жили въ селахъ и хуторахъ, занимались земледѣіемъ и состояли во владѣніи старшинъ, но положеніе ихъ было не тяжелое: владѣльческіе подданные работали на своихъ пановъ, какъ это видно изъ переписи, произведенной въ 1732 году майоромъ Хрущевымъ, по большей части по 2 дня въ недѣлю (такихъ показано 25 мѣстъ); были такіе, которые работали по одному дню (6) и такіе что работали только одну недѣлю въ году (1). Но были даже и такіе владѣльцы, подданные которыхъ вовсе не работали и не платили ни какихъ денегъ (6). Отработавъ положенное число дней, подданные остальными днями располагали по своему усмотрѣнію; главнымъ-же ихъ преимуществомъ былъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто¹⁾. Въ Слободской Украинѣ простой народъ, какъ и въ Малороссіи, назывался посполствомъ; такъ его именуютъ и царскія грамоты: „и всѣмъ того полку старшинамъ и всему *посполству* наше Великаго Государя, милостивое слово“²⁾. Слово „посполство“ польское и означаетъ общенародный, но подъ этимъ именемъ разумѣли только простой народъ³⁾. Мѣщане жили въ городахъ и мѣстечкахъ и занимались ремеслами и торговлею.

Нынѣшніе уѣзды Харьковскій, Валковскій, часть Изюмскаго и Волчанскаго, Купянскій и Зміевскій⁴⁾ составляли область полка при полковомъ городѣ Харьковѣ, въ которомъ жилъ полковникъ и полковая старшина; въ немъ помѣщалось управленіе полка военное и гражданское; въ немъ жили воеводы, назначаемые Московскимъ правительствомъ.

Полкъ дѣлился на сотни. Дѣленіе это было административно-территоріальное; сотню составлялъ извѣстный участокъ земли со всѣми селеніями и хуторами, находящимися въ немъ, чис-

¹⁾ Д. И. Багалъй, Матеріалы. Томъ I, стр. 204.

²⁾ В. Успенскій. Опытъ повѣст. о древ. рус., 1818 г., стр. 725.

³⁾ И. И. Срезневскій. Ист. обоз., стр. 7. П. Головинскій. Слоб. коз. п., гл. I.

⁴⁾ Ibidem, стр. 8.

ленность сотенъ была неодинакова. Вначалѣ полкъ раздѣлялся на 5 сотенъ, но, по мѣрѣ того, какъ населеніе полка росло, увеличивалось и число сотенъ; сотни назывались по главному мѣстечку, находившемуся въ ней, гдѣ жила сотенная старшина и помѣщалось управленіе сотни. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Харьковскомъ полку было уже 15 сотенъ, въ концѣ-же XVII вѣка 8 ¹⁾ (вслѣдствіе отдѣленія къ Изюмскому полку). Въ составъ полка входили слѣд. мѣстечки и города:

Волчанскъ (съ 8 селами), Салтовъ (съ 4-мя), Печенѣги (съ 8 сел. и 8 дерев.), Золочевъ (съ 2-мя), Ольшанка (съ 2-мя), Валки (съ 4-мя)—„сей-же есть древнѣйшій изъ городовъ слободскихъ, понеже всѣ пны упредилъ“ ²⁾, Мерефа (съ 3-мя), Соколовъ, Зміевъ (съ 4-мя), Маяцкій, Солоний; слѣдующіе, входившіе въ составъ Харьковскаго полка, впоследствии были отчислены къ Изюмскому полку: Перекопъ (съ 1 дер.), Бишкитъ, Андреевы Лѣзы, Балаклея, Савинскъ, Изюмъ, Царевъ-Борисовъ, Острополы, Сеньковъ, Купецкій, Двурѣчная, Каменка; всего значить, 25 городовъ и мѣстечекъ,—54 села и деревни ³⁾.

Во главѣ полка стоялъ полковникъ, который совмѣстно съ полковою старшиною ему подчиненною, управлялъ имъ, соединяя въ себѣ власть военную и гражданскую. Выбирался полковникъ вольными голосами—старшиною и полчанами, которые собирались для этой цѣли въ полковой городъ ⁴⁾, и избирался на всю жизнь, что дѣлало его положеніе очень самостоятельнымъ; воеводѣ онъ подчиненъ не былъ. Власть полковника была велика: онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ полку; ему подчинялись всѣ сословія, жившія на тер-

¹⁾ Думаютъ, что на мѣстѣ этого города было прежде укрѣпленіе половецкаго хана Кончака, память о которомъ сохранилась и до нынѣ подъ названіемъ «Салтаповскаго городища». Объ этомъ говорится также и въ „книгѣ, глаголемой большой чертежъ“. Застроенный въ 1639 г. приходившимъ съ гетманомъ Як. Острилицею козаками и оставленный ими снова въ 1641 году, Салтовъ заселился черкасами одновременно съ другими украинскими городами. Во второй половинѣ XVII в. въ немъ была уже церковь и укрѣпленіе (Геогр. стат. слов. П. Семенова).

²⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 199.

³⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 542.

⁴⁾ Его-же. Матеріалы, том. I, стр. 167—168.

риторіи, составлявшей полкъ; онъ имѣлъ право раздавать въ потомственное владѣніе, по своему усмотрѣнію, ни къ кому не занятія пустопорожнія мѣста, въ награду за заслуги, кого считалъ достойнымъ того; въ свою очередь, и самъ имѣлъ право для себя занимать земли, остававшіяся послѣ во владѣніи его рода. Полковникъ завѣдывалъ всѣмъ устройствомъ полка, водилъ его въ походы; его утвержденіе было необходимо для законной силы приговоровъ по разнымъ преступленіямъ и по другимъ судебнымъ дѣламъ; онъ имѣлъ право наказывать даже смертію. Такъ, полковникъ Федоръ Репко приказалъ разстрѣлять въ Харьковѣ Левку Жигалку за убійство служилыхъ людей ¹⁾. Власть наказывать смертію и другими тѣлесными наказаніями полковникъ имѣлъ даже надъ членами полковой старшины, выбравшими его въ это званіе. Это можно вывести изъ письма ²⁾ харьковскаго полковника Тевышева къ полковому судѣ по случаю неисполненія этимъ послѣднимъ уже разъ отданнаго приказанія: „по полученіи сего извольте, Ваше благородіе, всѣ тѣ чины сыскать, прислать къ полку конечно къ завтешнему числу подъ опасеніемъ за неисполненіе лишенія чести Вашей и живота“. Всѣ свои распоряженія и рѣшенія онъ утверждалъ письменными приказами, которые назывались универсалами, какъ и въ гетманщинѣ, за своею подписью и приложеніемъ своей гербовой печати, употреблявшейся, какъ полковая. Какъ знакъ своей независимости, къ своей подписи полковники прибавляли „властною рукою“ ³⁾ и писались: „мы, полковникъ харьковскій“; о немъ всегда говорили: „яновельможный панъ полковникъ“ и „его милость панъ полковникъ“.

Во время отправленія своихъ обязанностей, полковникъ держалъ въ рукѣ, какъ знакъ своего достоинства, такъ называемый, шестоперъ (родъ булавы), который состоялъ изъ рукоятки, кончавшейся шаромъ съ шестью гранями, отъ чего и получилъ свое названіе, такъ какъ эти грани имѣли нѣкоторое подобіе перьевъ и были глухія или съ прорѣзами.

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 72.

²⁾ Хар. ист. арх., отд. I, № 27.

³⁾ П. Головинскій. Сл. коз. полки, гл. I.

Иногда знаки эти дѣлались съ большимъ числомъ граней (перьевъ) и тогда носили названіе „перначъ“. Дѣлались они изъ серебра, золота, украшались драгоценными камнями, по желанію полковниковъ. Ихъ брали съ собою и въ походъ и возили съ правой стороны на сѣдлѣ въ нарочно сдѣланной для того петлѣ; носили его такъ-же и за поясомъ¹⁾.

Въ полку было знамя полковое, называемое хоругвею; оно почиталось полковою святынею,—на немъ изображался ликъ святого, почитавшагося патрономъ полка; на украшеніе хоругви собирались по всему полку деньги, и козаки обыкновенно гордились богатствомъ своего знамени²⁾; хранилось оно у полковника. Кромѣ полковой хоругви, было у каждой сотни свое собственное знамя, на которомъ обыкновенно изображался крестъ, писался № сотни и обозначался полкъ. Какъ уже упомянуто выше, въ полку была гербовая полковничья печать, считавшаяся полковою. Все это называлось полковничьими клейнодами (драгоценностями).

Вторымъ лицомъ по своему значенію за полковникомъ былъ полковой обозный; его обязанностию было завѣдывать пушками, всею артиллеріею полка и укрѣпленными мѣстами. Во время болѣзней полковника или его отсутствія полковой обозный управлялъ всемъ полкомъ, но властью всею не пользовался; такъ, напр., универсаловъ давать не имѣлъ права. Полковой судья—на его обязанности лежало завѣдываніе судебными дѣлами полка; онъ засѣдалъ въ полковой ратушѣ и рѣшалъ дѣла, но утвержденіе его приговоровъ всегда зависѣло отъ полковника. Два полковыхъ есаула (асауль)—помощники полковника—одинъ старшій, другой младшій—по воинской части. Полковой хорунжій—онъ хранилъ во время похода хоругвь, завѣдывалъ хорунжевыми козаками. Два полковыхъ писаря; они исполняли должность секретарей въ полковой ратушѣ; одинъ изъ нихъ былъ по воинской части, другой по гражданской; при ратушѣ, кромѣ двухъ штатныхъ писарей, было еще четыре, состоявшихъ на содержаніи отъ полка. Изъ нихъ

1) Висковатый. Истор. опис. одежды, част. I, стр. 67—68. Ефименко. Харьк. Сбор. на 87 г., стр. 176.

2) П. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. I.

назначались полковые писаря при открытіи вакансіи на ту должность.

Всѣ эти лица составляли полковую старшину и полковую раду, на которой рѣшались всѣ важные вопросы по большинству голосовъ, при чемъ всѣ члены рады имѣли равные голоса, кромѣ полковника, имѣвшаго два. Такой порядокъ вель иногда къ большимъ недоразумѣніямъ, дѣлалъ рады очень шумными; иногда онѣ оканчивались драками, даже настоящими битвами между ея членами, которые для этой цѣли вооружали своихъ крестьянъ¹⁾. Распорядителемъ на радѣ былъ полковой обозный. Кромѣ того въ городѣ еще былъ атаманъ—онъ исполнялъ полицейскія обязанности²⁾.

Управленіе сотни было сходно съ полковымъ управленіемъ; въ дѣлахъ важныхъ она подчинялась полковнику, а управлялась вполне самостоятельно „паномъ“ сотникомъ, которому были подчинены жители селъ и хуторовъ, составляющихъ сотню; въ сотнѣ была своя сотенная старшина; она состояла изъ сотника, атамана, есаула и хорунжаго. Атаманъ послѣ сотника было первое лицо, присутствовалъ въ канцеляріи и рѣшалъ гражданскія дѣла, исполняя обязанности судьи; у него помощникомъ былъ сотенный писарь; въ отсутствіе сотника атаманъ управлялъ сотнею. Есауль и хорунжій были помощниками сотника по воинской части; послѣдній въ походѣ хранилъ сотенное знамя. Назначеніе лицъ, составлявшихъ сотенную старшину, зависѣло отъ сотника, равно и смѣщеніе недостойныхъ старшинъ, снова послѣ того переходившихъ въ разрядъ рядовыхъ казаковъ.

Число выборныхъ козаковъ доходило до 800. Вооружены они были саблями, пистолетами, ружьями и копьями. На красоту сабли, съ которою казаки никогда не разставались, такъ что даже пахарь, идя за сохою, былъ препоясанъ ею, обращалось большое вниманіе; она служила предметомъ щегольства и украшалась золотыми и серебряными насѣчками. Особенно цѣнились сабли турецкія. Ножны обкладывались краснымъ бархатомъ,

1) П. Головинскій. Сл. коз. полки, гл. I.

2) Г. Успенскій. Опытъ повѣст. о древ. Рус., стр. 760.

украшались драгоценными камнями и оправлялись въ серебро и т. п., смотря по состоянію ¹⁾).

Пистолеты и ружья („пищали, ручницы“) были по большей части турецкаго происхожденія, а также нѣмецкаго и тульскаго. Боевые пришасы носились въ рогахъ, лядункахъ и барашкахъ (мѣшки для пуль); рога были буйволовые съ серебряными отдѣлками; лядунки и барашки шились золотомъ и серебромъ. Ѣздили слобожане на лошадахъ разной породы, какія приходилось гдѣ добывать; но была у нихъ и своя порода— „черкасскіе жеребцы“—красивая, но уступавшая всеѣмъ прочимъ по своей крѣпости ²⁾). Ѣздили на уздечкахъ и украшали ихъ серебромъ. Сѣдла у нихъ были польскія и черкесскія. Подушки сѣдельныя дѣлались изъ бархата, сафьяна, сукна, кожи, и также украшались шитьемъ, равно какъ и сѣдельные войлоки, крытые сафьяномъ и бархатомъ³⁾. Сѣдла были высокія, и Ѣздили на нихъ на короткихъ стременахъ, по татарски, что очень уродовало посадку и дѣлало ее не крѣпкою, но давало возможность всаднику легко обращаться во все стороны, уклоняясь отъ ударовъ саблею противника.

Одежда слободскаго казака состояла изъ черкески съ откидными рукавами, нижняго полукафтаныя, широкихъ шароваръ и дѣлалась всевозможныхъ цвѣтовъ, преимущественно яркихъ, на кумачевой подкладкѣ. Обкладывалась черкеска и полукафтаные кругомъ матерією другаго цвѣта, и называлась эта обложка „подпункомъ“, цвѣтъ котораго всегда былъ другой; такъ, напр., если черкеска дѣлалась желтаго цвѣта, то подпункъ лазоревый; если дымчатая, то подпункъ зеленый. Полукафтаные подпоясывалось поясомъ, на который обращали большое вниманіе, и стояли пояса обыкновенно не дешево; пуговицы дѣлались изъ серебра. Шанки носили мѣховыя, большею частью изъ смушка. Полковники поверхъ всего надѣвали еще и мантию—спанчу ⁴⁾). Одежда выборныхъ (ранговыхъ) казаковъ не отличалась ничѣмъ отъ одежды прочихъ, не подчинялась

¹⁾ П. С. Ефименко, Хар. Сбор. на 87 г., стр. 174.

²⁾ Висковатый. Ист. оп. воор. и одеж., ч. I, стр. 79.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ П. С. Ефименко, Хар. Сбор. на 87 г., стр. 172.

какой либо формѣ и зависѣла вполне отъ вкуса каждаго ¹⁾).

Волосы слобожане подстригали въ кружокъ, подбывая голлову немного выше ушей; они обыкновенно носили огромные усы, спущенные всегда книзу, бороду-же брили ²⁾).

Таково было управленіе полка, вполне самостоятельное, свободное. Въ сравнительно короткій періодъ времени послѣ своего переселенія изъ Польши, гдѣ они подвергались, какъ мы видѣли, всевозможнымъ притѣсненіямъ, казаки устроились на новыхъ мѣстахъ; города, слободы, хутора росли и развивались; и такъ какъ слобожане въ новомъ своемъ отечествѣ нашли почти тѣ-же климатическія условія, какія были и по правую сторону Днѣпра, то имъ легко было скоро примѣниться къ мѣстности. Первое время, когда пришлось силою пробиваться на новыя мѣста, ежечасно ждать нападенія татаръ, черкасы не могли заняться хлѣбопашествомъ, а получали хлѣбъ изъ Бѣлгорода, покупая его тамъ; сами-же промышляли звѣриною и рыбною ловлею. По мѣрѣ-же того, какъ строились укрѣпленныя мѣста, слобожане, подъ ихъ защитою, стали заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; привольные дуга съ чудною травою вполне тому благопріятствовали. Правда, опасность отъ нападенія татаръ, истреблявшихъ въ одинъ часъ весь трудъ земледѣльца, не позволяла Харьковскимъ казакамъ вполне отдаться мирнымъ занятіямъ. При первомъ извѣстіи о появленіи татаръ сельское населеніе должно было забирать все свое имущество, скотъ, все, что только было можно, и бѣжать подъ защиту городовъ. Даже жители полковаго города, гдѣ были и пушки и болѣе вооруженныхъ людей, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ поселеніи полка, должны были быть постоянно на сторожѣ. Воевода и днемъ и ночью держалъ вездѣ караулы; на полевныя работы дозволялось выходить только тогда, когда все кругомъ было спокойно и о татарахъ не было никакихъ вѣстей отъ высланныхъ въ степь станичниковъ; даже въ такое, повидимому, спокойное время дозволялось выходить въ поле „не малыми людьми съ пищалами и всякимъ оружіемъ“. Скотъ выгонять можно было, „только провѣдавъ про воинскихъ

¹⁾ П. Головинскій. Сл. коз. полки, гл. I.

²⁾ Гербель. Изюм. Слоб. коз. п., изд. 52 г., стр. 34.

людей до прима". Иногда, при вѣсти о появленіи татаръ, жители запирались въ городъ, отсиживались тамъ долго, а хлѣбъ между тѣмъ зрѣлъ и высыпался. Такъ, въ 1668 г. жители г. Балаклеи, страпась нападенія татаръ, просидѣли въ городѣ, на работы въ поле не выходили, и хлѣбъ остался совсѣмъ не съатымъ. Протоіерей балаклейскій писалъ: „на той Украинѣ жить нельзя, прокормиться нечѣмъ; ради прихода татаръ пахать нельзя“¹⁾. Въ 1674 г. жители г. Савинска подали челобитье, гдѣ просили себѣ хлѣбнаго жалованья, такъ какъ безъ него помрутъ съ голоду и разбредутся врозь; пахать и сѣять за приходомъ воинскихъ людей имъ невозможно. Просьба ихъ была уважена²⁾.

Это, конечно, въ значительной степени отравляло жизнь харьковцевъ, но, не смотря на то, имъ жилось гораздо лучше здѣсь, ибо они знали одного только непріятеля и бились съ нимъ, у себя-же дома были свободны, могли дѣлать, что хотѣли; надъ ними не тяготѣлъ гнетъ ни пановъ, ни жидовъ — арендаторовъ; они могли свободно исповѣдывать религію своихъ отцовъ, не боясь ни насмѣшекъ ни наказанія; духовенство-же, не стѣсненное ничѣмъ, могло безъ помѣхи исполнять свое назначеніе—служить дѣлу нравственнаго развитія своей паствы.

Харьковцы на своихъ рѣкахъ построили мельницы, на пригоркахъ наставили вѣтряки и занялись своимъ любимымъ дѣломъ—винокурениемъ; этою привилегіею они больше всего дорожили, ибо, что грѣха таить, казаки любили выпить; безъ „горілки“ они жить не могли; такъ что воевода В. Селефонтовъ, можетъ быть, и былъ отчасти правъ, когда, жалуясь на Харьковцевъ за ихъ непослушаніе, писалъ, что „сами они безпрестанно пьютъ и бражничаютъ“³⁾.

Московское правительство, чтобы пріохотить казаковъ, ласкало ихъ и предоставило имъ всевозможныя льготы; казаки-же за это своею грудью заслоняли московскія границы отъ татаръ.

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 137.

²⁾ Ibidem, отд. IV, стр. 137.

³⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы, томъ I, стр. 22.

Льготы, которыя были пожалованы Алексѣемъ Михайловичемъ Харьковскому полку, были слѣдующія: 1) право свободнаго занятія пустопорожныхъ земель; 2) устройство козацкое и самоуправленіе, въ которое не вмѣшивались воеводы; 3) дозволялось безпошлинно заниматься всякими промыслами, рыбною ловлею, мельничествомъ, винокурениемъ и продажею вина; 4) казаки были избавлены отъ всякихъ податей и повинностей, кромѣ военныхъ козацкихъ и 5) право содержать на откупѣ таможи, мосты и перевозки.

Г л а в а I V .

Царская грамота 1659 г. харьковскимъ черкасамъ.—Положеніе дѣлъ въ Малороссіи.—Гетманъ Иванъ Выговскій.—Измѣна его.—Универсалъ Выговскаго Сумскому полковнику Кондратьеву.—Неповолебность слобожанъ въ вѣрности царю.—Добровольное участіе Харьковцевъ въ дѣлахъ противъ измѣнниковъ.—Судьба Выговскаго.—Гетманъ Иванъ Брюховецкій.—Недовольство украинскаго народа гетманомъ.—Андрусовскій договоръ.—Измѣна гетмана.—Универсалъ Харьковцамъ.—Клеветы Брюховецкаго на царя.—Вѣрность слобожанъ.—Скѣбленіе Ивана Сѣрка на сторону мятежниковъ.—Волненіе въ полку, избіеніе воеводъ и московскихъ служилыхъ людей.—Письмо кн. Ромодановскаго.—Увозъ изъ Зміева Донцомъ пушекъ въ г. Харьковъ.—Убіеніе Брюховецкаго.—Стремленіе Дорошенка завладѣть обѣими Украйнами.—Появленіе бунтующихъ партій снова въ области полка.—Битва подъ Чугуевомъ.—Нападеніе татаръ и козаковъ Полтавскаго полка на Харьковскій полкъ.—Мятежъ въ дольниковъ.—Убіеніе полковника Ренко и сотника Федорова.—Число мятежниковъ.—Населеніе полковаго города.—Безукоризненное поведеніе Сѣрка до измѣны Брюховецкаго.—Причины, объясняющія волненіе въ полку.—Взглядъ на это Москвы.—Похвальная грамота 1668 г.—Обложеніе полчанъ пошлинами.—Просьба полковъ объ отѣнѣ ихъ.—Царская грамота 1669 г.—Возвращеніе льготъ.—Отголоски бунта Стеньки Разина въ полку.

Въ Харьковъ пришла отъ московскаго государя, Алексѣя Михайловича, грамота отъ 23 сентября 1659 г., „къ нашимъ, Великаго Государя, служилымъ и всякимъ жилацкимъ людямъ, именно черкасамъ“. Въ ней сообщалось объ измѣнѣ гетмана Ивана Выговскаго, и царь увѣщевалъ харьковцевъ не приставать къ измѣнникамъ, быть вѣрными присягѣ, обѣщая за это „жалованіе“¹⁾. Грамота эта была вызвана слѣдующими событіями, происходившими въ Малороссіи.

15 августа 1657 г. гетманъ Богданъ Хмельницкій, „Хмель“, какъ его называли козаки, умеръ, послѣ трогательнаго прощанія съ народомъ, въ Чигиринѣ. На его мѣсто въ гетманы былъ выбранъ сынъ его Юрій, человекъ „разумомъ слабенькій“, по выраженію народной поэзіи, неспособный къ какой либо,

¹⁾ Грамота 1659 г. В. В. Гуровъ. Сбор. судеб. рѣш., стр. 469—470.

требующей энергіи роли; этого избранія и самъ Юрій не особенно то хотѣлъ, ибо, подъ вліяніемъ совѣтовъ Выговскаго, отказался отъ гетманства по причинѣ малолѣтства и былъ помѣщенъ въ Кіевское училище. Народъ-же сдѣлалъ этотъ выборъ единственно изъ уваженія къ памяти отца. Впослѣдствіи Хмельницкій снова былъ гетманомъ, передался польскому королю, присягалъ ему на вѣрность, былъ монахомъ, архимандритомъ, невольникомъ въ Константинополѣ, сдѣлался потурнакомъ („потурчився, побусурманився“), носилъ громкій, но ничего незначившій титулъ князя малороссійской Украйны — безъ княжества и подданныхъ. Наконецъ, печально кончилъ свою ничтожную жизнь, полную превратностей и измѣны, будучи убитъ кошевымъ атаманомъ Ив. Сѣркомъ со всѣми бывшими при немъ козаками¹⁾. Выговскій, генеральный писарь, былъ любимецъ Богдана, который вымѣнялъ его изъ татарскаго плѣна на лошадь и сдѣлалъ при себѣ писаремъ (1648 г.). Выговскій имѣлъ громадное вліяніе на Юрія, который, подавшись его наущеніямъ, выдалъ ему милліонъ талеровъ изъ казны отца своего. Съ помощію этихъ денегъ Выговскій, подкупая кого слѣдуетъ, расположилъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ козаковъ въ свою пользу и былъ избранъ въ гетманы старшиною и шляхетствомъ. Полякъ по происхожденію, какихъ много было тогда среди козачества, онъ задумалъ, въ расчетѣ на личныя выгоды, подчинить Малороссію, по прежнему, власти Польши. Эта мысль встрѣтила сочувствіе даже среди народа, недовольнаго новыми порядками, которые имѣли цѣлью постепенное ослабленіе воинственнаго духа, привычки по всякому, даже пустому сравнительно поводу, обращаться къ оружію и наклонности къ необузданному своевольству, къ чему онъ такъ привыкъ за послѣднія возстанія, и что мѣшало массѣ народной обратиться всецѣло къ мирнымъ занятіямъ. Къ тому-же поляки, со своей стороны, желая возвратить потерянную Малороссію, заигрывали съ народомъ и не скупились на обѣщанія. Выговскій заключилъ съ Польшею договоръ въ сентябрѣ 1658 г., по которому Малороссія и запорожцы переходили къ Польшѣ. Чтобы привлечь

¹⁾ Ваптыць-Каменскій. Ист. Малой Россіи, ч. II, стр. 160. Ригельманъ. Лѣт. нов. о Мал. Р., I, стр. 171.

козаковъ на свою сторону и заставить ихъ согласиться на этотъ договоръ, гетманъ сталъ распускать слухи, что будто бы московскій царь хочетъ ограничить число реестровыхъ козаковъ, а народъ обратить въ драгуны. И вотъ, склоня всѣхъ на свою сторону всевозможными средствами, Выговскій прислалъ универсалъ и въ слободскій полкъ, въ которомъ приглашалъ слобожанъ стать на его сторону. Этотъ универсалъ былъ написанъ на имя Сумскаго полковника Кондратьева. Гетманъ просилъ снять съ универсала копію и разослать въ другіе полки—Харьковскій, Ахтырскій и Острогжскій; но онъ ошибся въ расчетъ своемъ: Кондратьевъ не поддался на тѣ обольстительныя предложенія, которыя дѣлалъ универсалъ за измѣну Москвѣ; онъ созвалъ раду, разорвалъ на глазахъ у полковой старшины универсалъ, сказалъ посланному, что Выговскій или глупъ отъ природы или одурѣлъ по смерти Богдана, что слобожане—не гетманцы и за безчестіе считаютъ равняться съ ними, послѣ ихъ измѣны царю и присягѣ, что они вѣрно и прежде служили Его Пресвѣтлому Царскому Величеству и всегда на томъ останутся. Посолъ былъ выгнанъ со стыдомъ¹⁾.

Когда вѣсть объ измѣнѣ гетмана и о его приглашеніи пристать къ нему облетѣла Харьковскій полкъ, то харьковцы не только не поддались на увѣщанія Выговскаго, но даже многіе изъ нихъ добровольно и охотно пристали къ русскому войску Ромодановскаго, шедшему изъ Бѣлгорода противъ измѣнчившаго гетмана, и „немилосердно грабили и разоряли малороссійскіе города и села“. Кромѣ напраснаго кровопролитія и разоренія многихъ городковъ, изъ этого ничего не вышло, Малороссія осталась по прежнему за Москвой; только царь послѣ этого сталъ подозрительно смотрѣть на малороссійскихъ козаковъ, не довѣряя имъ; поведеніе же слобожанъ, оставшихся вѣрными и даже помогавшихъ подавленію измѣны, еще болѣе расположило Алексѣя Михайловича къ черкасамъ, которые „памятуя Бога... служили со всякимъ усердствомъ безъ всякаго сомнѣнія... и совѣту и сиску съ ними не имѣли“.

Самъ Выговскій, видя свое дѣло пропавшимъ, ушелъ въ

¹⁾ П. Головинскій. Слоб. каз. п., гл. II.

Польшу, гдѣ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ Москвою, схваченъ польскимъ полковникомъ Маховскимъ, судимъ за измѣну и разстрѣлянъ въ Корсунѣ въ 1664 году¹⁾.

Съ бѣгствомъ Выговскаго смуты въ Малороссія не прекратились; его неудачи и печальный конецъ не научили Брюховецкаго быть вѣрнымъ Москвѣ. Избранный гетманомъ, благодаря запорожцамъ, Брюховецкій, простой слуга Хмельницкаго, въ благодарность за это окружилъ себя почти исключительно запорожцами и предоставилъ имъ всѣ высшія должности. Сѣчевики не замедлили возстановить противъ себя жителей своимъ распутствомъ и пьянствомъ. Первое время Брюховецкій былъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ Москвою, ѣздилъ туда представляться царю, женился на русской боярыньѣ Долгорукой; причемъ Алексѣй Михайловичъ самъ устраивалъ этотъ бракъ. Гетманъ получалъ титулъ стольника, былъ пожалованъ бояриномъ. Козакамъ очень не нравилось производство ихняго гетмана въ русскіе бояры; это какъ то отчуждало его отъ нихъ, и они уже стали смотрѣть на него, не какъ на своего брата козака. Полковникамъ-же, ѣздившимъ въ Москву съ гетманомъ и пожалованнымъ дворянами, не было проходу отъ насмѣшекъ, и они просто боялись показаться козакамъ на глаза.

Народъ былъ также недоволенъ своимъ гетманомъ; это неудовольствіе усилилось еще отъ того, что московскіе воеводы, жившіе по городамъ, позволяли себѣ мелкія несправедливости; малороссіяне, видя хорошія отношенія гетмана къ Москвѣ, думали, что Брюховецкій самъ покровительствуетъ этимъ чиновникамъ и дѣйствуетъ вообще съ нимъ за одно въ ущербъ своему народу. По андруссовскому договору (1667 г.), окончившему войну между Москвою и Польшею, этой послѣдней были уступлены земли, лежація по правую сторону Днѣпра: такимъ образомъ, Малороссія раздѣлилась на двѣ части—правобережную, отошедшую къ Польшѣ, и лѣвобережную, оставшуюся за Москвою; это раздѣленіе, естественно, еще болѣе посѣяло смуту между народомъ. Между тѣмъ Брюховецкій круто измѣнилъ Москвѣ и задумалъ отдѣлиться отъ

¹⁾ Ген. Лееръ. Энциклопедія воен. и мор. наукъ, п. II, стр. 343.

нея совершенно; онъ встрѣшилъ себѣ сочувствіе во многихъ полковникахъ. На созванной радѣ (1668 г.) было рѣшено перестроить всѣхъ русскихъ воеводъ и чиновниковъ и отложиться отъ Москвы. Думая привлечь на свою сторону слободскіе полки, гетманъ прислалъ универсалъ, въ числѣ другихъ полковъ, харьковцамъ, въ которомъ взводилъ всевозможныя небывлицы на царя, говоря, что онъ „побратался съ ляхами, условился съ ними всѣхъ православныхъ на Украинѣ, Донѣ, Запорожьѣ и слободахъ съ ихъ дѣтьми истребить мечемъ, а другихъ загнать въ Сибирь, а земли козацкія обратить въ дикія поля и звѣринныя жилища“¹⁾. Харьковцы не сдались на подговоры Брюховецкаго, остались по прежнему вѣрными Москвѣ. Гетманъ послѣ того пытался силою принудить слобожанъ къ измѣнѣ и послалъ на нихъ шайки татаръ и веприцкихъ козаковъ, которыя и проникли въ область Харьковскаго полка.

Жившій въ это время въ Мерехѣ кошевой атаманъ, Ив. Сѣрко, непримиримый врагъ ляховъ и татаръ, громившій неоднократно послѣднихъ, забираясь въ самое ихъ гнѣздо—въ Крымъ, освободившій не одну тысячу христіанскихъ плѣнныхъ²⁾, отбивая ихъ обыкновенно у татаръ при возвращеніи ихъ съ набѣга, склонился на сторону измѣнниковъ. Своимъ авторитетомъ, которымъ пользовался между всѣми казаками, Сѣрко увлекъ къ бунту и черкасъ Зміева, Царевоборисова, Маяцка, Валокъ и на Торскихъ озерахъ. Возставшіе козаки начали съ того, что поубивали воеводу и русскихъ служилыхъ людей, своими неполнѣ добросовѣстными и несправедливыми поступками возбуждавшихъ противъ себя ненависть черкасъ, разграбили въ означенныхъ городахъ огнестрѣльные припасы, а Зміевъ, Царевоборисовъ разорили и сожгли. Въ уѣздахъ Чугуевскомъ и Харьковскомъ бунтовщики эти произвели большія опустошенія, жгли села, деревни и хлѣбъ, жителей, отказывавшихся приставать къ нимъ, убивали или брали

1) П. Головинскій. Слоб. коз. ч., гл. II. Грамота 1668 жителямъ г. Салтова. См. приложение.

2) Вантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Рос., II, стр. 50.

въ плѣнъ, уподобляясь татарамъ³⁾. Мятажъ тотъ вспыхнулъ 4 марта 1668 года.

Черкасы-же полковаго г. Харькова, вся старшина и козаки, съ полковникомъ во главѣ, остались вѣрными своему долгу, что подтверждается письмомъ⁴⁾ кн. Ромодановскаго, гдѣ тотъ воевода говоритъ, что харьковцы вѣрно служатъ великому государю, не пристають къ измѣнникамъ и „надъ ними промыслы чинятъ“. Въ томъ же письмѣ къ чугуевскому воеводѣ, онъ приказываетъ ему соединиться съ харьковскимъ воеводою Л. Сытинымъ „надъ измѣнниками промыслы и поиски чинить и въ полонъ имать и села и деревни жечь, сколько мяло-сердый Богъ поможетъ“.

Въ Зміевѣ, послѣ его разоренія, остались неуезенными измѣнниками 7 пушекъ. Изъ Чугуева за ними былъ посланъ Александръ Марченко съ ратными людьми; но удалось имъ увезти съ собою только три пушки, ибо дорога по причинѣ весенней распутицы была очень плоха. Остальныя-же 4 пушки Марченко закопалъ въ землю, въ расчетѣ забрать ихъ послѣ⁵⁾, что ему не удалось, ибо отрядъ харьковцевъ, подъ начальствомъ своего сотника Григорія Донца⁶⁾, поспѣшилъ въ Зміевъ и увезъ съ собою въ Харьковъ эти желѣзныя пушки; изъ нихъ двѣ горѣли во время пожара въ городѣ и потому къ стрѣльбѣ не годились⁷⁾.

Кошевой Сѣрко съ бунтовщиками 11 марта подходилъ къ самому полковому городу, схватилъ нѣсколько харьковцевъ; изъ крѣпости по нимъ стрѣляла, причемъ одну пушку разорвало⁸⁾. Послѣ этого, перейдя въ двухъ верстахъ отъ города р. Уды, Сѣрко ушелъ дальше.

Между тѣмъ гетманъ Брюховецкій дорого заплатилъ за свою измѣну Москвѣ—онъ былъ убитъ козаками; но со смертью его смуты въ Малороссіи не прекратились. Гетманъ правобережной Украины—Дорошенко—стремился подчинить своей

1) Письмо Чуг. воев. къ бѣлгородскому (Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 62).

2) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 52.

3) Ibidem, отд. IV, стр. 191.

4) Ibidem, отд. II, стр. 53.

5) Описание г. Хар., состав. воев. В. Сухот., Харьк. Календарь 1885 г., 628.

6) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 52.

власти всю Малороссію (право и лѣво бережнія Украины). Ему сочувствовали и весь народъ, бывшій сильно озлобленъ за подобное раздѣленіе. Чтобы добиться своей завѣтной цѣли, Дорошенко вступилъ въ союзъ съ татарами и, по смерти Брюховецкаго, разослалъ воззванія къ бунту.

Бунтующія-же партіи козаковъ въ іюнѣ мѣсяцѣ снова появились въ области Харьковскаго полка, въ Печенѣгахъ, считывая получить здѣсь подкрѣпленія и идти подъ Чугуевъ. Опасаясь этого, Чугуевскій воевода, обратился къ полковнику Репко, прося его о помощи. Вѣрный своему долгу, Репко съ полкомъ своимъ поспѣшилъ на помощь и 28 іюня явился въ Чугуевъ. Въ битвѣ подъ Чугуевомъ Репко нанесъ непріятелю поражение, и 30-го числа возвратился уже въ Харьковъ ¹⁾. Въ наказаніе за это гетманъ Дорошенко выслалъ противъ Харьковскаго полка отрядъ въ числѣ тысячи татаръ съ мурзами и двумя стами козаковъ Полтавскаго полка подъ начальствомъ Кульбицкаго. Отрядъ этотъ опустошилъ Мерефу, Васищево и Чугуевскія села ²⁾. Нападеніе это не было неожиданнымъ, такъ какъ полковникъ Репко былъ о томъ предупрежденъ. Онъ сталъ дѣятельно готовиться къ встрѣчѣ непріятеля ³⁾ и предупредилъ Чугуевскаго воеводу. Волненія на этомъ не прекратились, и въ половинѣ октября того же года ночью вспыхнулъ мятежъ въ самомъ полковомъ городѣ; въ Харьковѣ измѣнники неожиданно напали на полковничій домъ, убили вѣрнаго царю полковника Репко и сотника Константина Оедорова; они стремились склонить на свою сторону и остальныхъ жителей Харькова, но это имъ не удалось,—харьковцы къ нимъ не пристали и заперлись въ крѣпости.

Въ ту же ночь харьковскій протопопъ Захарій Филимоновъ поспѣшилъ въ Чугуевъ, рассказалъ о случившемся воеводѣ и просилъ помощи.

Разсказъ этотъ мы почерпнули изъ письма бѣлгородскаго воеводы чугуевскому, въ которомъ онъ предписываетъ ему идти на выручку въ Харьковъ. Изъ него видно, что чугуевскій вое-

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 53.

²⁾ К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 10.

³⁾ С. П. Кованько. Ист. стат. опис. г. Хар. Хар. Губ. Вѣд. 1859 г., № 8.

вода, основываясь на показанія протопопа Филимонова и чугуевскаго вѣстовщика Раслабова, доносили, что въ Харьковѣ бунтовщиковъ было немного—человѣка 20 („Ивашка Кривошлыкъ да Степка и Тарасъ—человѣкъ съ двадцать“) ¹⁾.

Надо полагать, что бунтовщиковъ въ Харьковѣ было гораздо больше чѣмъ 20 человѣкъ, ибо трудно допустить, чтобы такая горсть людей могла силою проникнуть въ домъ полковника, не смотря на караулы, бывшіе повсюду въ городѣ и около дома полковника, гдѣ хранилась полковая хоругвь. Если-бы дѣйствительно ихъ было такъ мало, то нужно-ли было-бы остальнымъ жителямъ, непричастнымъ той измѣнѣ, запереться въ крѣпости, а протопопу обращаться за помощью въ Чугуевъ, когда имъ легко было и самимъ управиться съ такою ничтожною горстью людей, такъ какъ въ городѣ въ то время было 62 человѣка однихъ русскихъ служилыхъ людей, бывшихъ въ распоряженіи воеводы, да 1491 человѣкъ черкасъ ²⁾.

Этимъ и завершились волненія среди харьковцевъ. Правда, и этотъ случай нельзя особенно строго ставить въ укоръ полку, въ которомъ только нѣкоторые города (о которыхъ мы упоминали выше), да часть жителей полковаго города, по своему легкомыслію, поддавшись наговорамъ и соблазнительнымъ обѣщаніямъ, склонились на сторону измѣнниковъ. Винить ихъ тѣмъ болѣе трудно, что во главѣ измѣнившихъ харьковскихъ козаковъ стала такая личность, какъ Ив. Сѣрко, въ которомъ всѣ видѣли героя, заклятаго врага поляковъ и татаръ, громившаго неоднократно даже самый Крымъ. Къ тому-же личность эта занимала такой видный постъ, какъ кошевого атамана сѣчевиковъ, которыхъ козаки ставили себѣ обыкновенно въ идеалъ и всегда подражали имъ: Сѣрко притомъ былъ до этого времени постоянно вѣренъ царю, а въ 1664 году даже остергалъ его, говоря, что онъ Брюховецкому не вѣритъ, что съ нимъ соединиться поэтому не хочетъ, и безупречно велъ себя во время смутъ гетмановъ Выговскаго и Тетери. Можно-ли

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 53.

²⁾ Д. П. Багалъй. Очерка, стр. 246. Черезъ 2 года—въ 1670 г. населеніе возрасло до слѣд. цифръ: дѣтей боярскихъ 157, приказныхъ и полковыхъ козаковъ 256, черкасъ 2100. (Ibidem).

винить козаковъ, увлекшихся такою личностью! Трудно было бы требовать, чтобы слобожане сразу отрѣшились окончательно отъ той родственной связи, которая соединяла ихъ съ гетманщиною. Бунтовщики убивали московскихъ чиновниковъ и воеводъ, отъ которыхъ освободиться было очень соблазнительно и харьковцамъ, ибо они видѣли въ нихъ только своихъ притѣснителей и недоброжелателей.

Это отлично понимала Москва и не только какими либо репрессивными мѣрами не высказала своего гнѣва, а, напротивъ, по окончаніи смуты, освободила полки отъ налоговъ и даровала другія льготы. Похвальная и увѣщательная грамота отъ 19 февраля 1668 г. была прислана царемъ слободскимъ полкамъ—Сумскому, Ахтырскому и Харьковскому. О томъ, что эта грамота была пожалована и Харьковскому полку, говорятъ П. Головинскій и И. И. Срезневскій, причемъ послѣдній опирается на бывшій у него въ рукахъ „экстрактъ о слободскихъ полкахъ“ — документъ официального происхожденія; авторъ „топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества“, имя котораго остается неизвѣстнымъ, а также В. В. Гуровъ и Г. Квитка утверждаютъ тоже самое¹⁾. Одинъ только профессоръ Д. И. Багалъй высказываетъ сомнѣніе по этому поводу, говоря, что „она (грамота) не могла быть пожалована ему (полку), потому что харьковцы приняли участіе въ возмущеніи Брюховецкаго“²⁾. Сомнѣніе это возникло только отъ того, что подлинная грамота эта не найдена нигдѣ, имѣется только копія съ нея. Хотя, къ несчастью, небольшая часть жителей Харьковскаго полка и приняла участіе въ этомъ возмущеніи, но грамота эта все таки могла быть пожалована и Харьковскому полку, ибо дана она была 19 февраля 1668 г., между тѣмъ какъ волненія въ полку начались уже послѣ того числа: 4 марта вспыхнулъ мятежъ въ Змievѣ, Царево-Борисовѣ и др.; 11 марта непріатели подступили къ Харькову; 6 марта было послано письмо кн. Ромодановскаго о вѣрности харьковскихъ

1) П. Головинскій. Сл. воз. пол., стр. 86. И. И. Срезневскій. Пет. об., стр. 9. Топогр. опис. Хар. нам., 29; В. В. Гуровъ. Сборникъ, стр. 100. Квитка. О сл. пол. Современникъ 1840 г., т. XVII, стр. 75.

2) Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 448

черкасъ государю¹⁾. Все это, случившееся послѣ пожалованія грамоты, не могло препятствовать тому, чтобы она могла быть выдана и Харьковскому полку въ числѣ другихъ, о чемъ согласно говорятъ вышеприведенные писатели.

Всѣ слободскіе полки, не получая отъ Московскаго правительства равно никакого содержанія, до 1665 г. за то и не несли никакихъ налоговъ, но въ этомъ году Бѣлгородскій разрядъ, въ вѣдѣніи котораго состояли въ это время слободскіе полки, обложилъ оброчными деньгами таможи, шинка, мосты и др. Въ Харьковскомъ полку, впрочемъ, подобными пошлинами былъ обложенъ только одинъ городъ Харьковъ. Эти налоги слобожане встрѣтили очень недружелюбно и вносили ихъ крайне туго, что видно изъ того, что изъ числа 10,458 руб. 50 к., подлежащихъ уплатѣ за время съ 1665 г. по 1669 г.; были уплачены только 3,120 руб.; за харьковскимъ полкомъ числилось 2,226 руб. 50 коп. Слобожане Сумскаго, Ахтырскаго и Харьковскаго полковъ, видя къ себѣ милостивое расположеніе московскаго царя, обратились къ нему съ просьбою отмѣнить эти пошлины. Въ отвѣтъ на это прошеніе, Харьковскому полку, на имя полковника Григорія Донца, была пожалована царская грамота отъ 5 мая 7177 (1669) года, которою давались разныя льготы за „прежнія и нынѣшнія службы и за разоренія“, понесенныя полкомъ во время смуты Брюховецкаго, и за „осадное сидѣніе“ этою грамотою козаки; освобождались отъ платежа налоговъ на винные и пивные котлы и шинки, а такъ-же прощались имъ недоимки за прошлые годы въ количествѣ 2,226 руб. 50 коп. и тѣ, которыя были уже взяты—849 руб.—возвращались обратно²⁾. Пожалованіе этой милостивой грамоты, послѣ происшедшихъ въ полку беспорядковъ, служитъ также доказательствомъ, что царь не гнѣвался на Харьковскій полкъ, большіимъ своимъ составомъ оставшійся ему вѣрнымъ.

Этою грамотою, стало быть, возвращались полку тѣ льготы, которыми онъ пользовался до 1665 года. Особенно пришлось по сердцу харьковцамъ свободное винокуреніе и продажа

1) К. П. Шелковъ. Харьковъ, стр. 9.

2) Грамота 1669 г. Пол. соб. зак., I, № 449.

вина. Такъ какъ привилегія свободнаго винокурения на великорусское населеніе не простиралась, то харьковцы получали отъ этого большія выгоды. Въмѣстѣ съ тѣмъ Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ слободскимъ полкамъ быть въ вѣдѣніи Московскаго Посольскаго приказа, чѣмъ царь показывалъ свое благоволеніе и милость ¹⁾).

Бунтъ Стеньки Разина также не прошелъ вполнѣ благополучно для полка — въ Чугуевѣ, Царевоборисовѣ, Балаклеѣ и Мерехѣ происходило волненіе, но скоро оно было подавлено; въ Острогожскомъ-же полку даже самъ полковникъ Дзинковскій увлекся воззваніями и планами Стеньки, за что и былъ казненъ ²⁾).

Г л а в а V.

Избраніе Харьковскимъ полковникомъ Григоріи Ерофеевича Донца.—Проведеніе оборонительнаго вала отъ г. Царево-борисова до г. Коломака и продолженіе перекопскаго вала.—Обязанности пограничныхъ козаковъ.—Постройка Изюмской крѣпости.—„Вѣдѣніе“ 1726 г.—Царская грамота 1682 г.—Льготы изюмцамъ.—Царскія грамоты 1682 и 1684 гг.—Выдѣленіе особаго Изюмскаго слободскаго казачьяго полка.—Первый Изюмскій полковникъ, царская ему грамота 1685 г.—Отдѣленіе мѣстечекъ и городовъ отъ Харьковскаго полка къ Изюмскому.—Постройка Курижскаго Преображенскаго монастыря.—Роль монастырей въ колонизаціи края.—Образецъ полковничьяго университета.

Послѣ смерти вѣрнаго Московскому правительству полковника Федора Репки, на радѣ въ Харьковѣ полковникомъ Харьковскаго полка былъ выбранъ Григорій Ерофеевичъ Донецъ-Захаржевскій — „въ воинствѣ, въ побожности мужъ zelo избранный“ ¹⁾, происходившій изъ шляхетскаго рода, вышедшаго изъ-за Днѣпра; между слобожанами онъ прославился своими подвигами, давшими ему прозваніе Донца, такъ какъ на этой рѣкѣ былъ онъ часто татарь. Григорій Ерофеевичъ былъ извѣстенъ не только какъ опытный и храбрый воинъ, но также какъ дѣятельный администраторъ и строитель многихъ укрѣпленій. Онъ провелъ валъ, тянувшійся отъ г. Царевоборисова по рр. Дону и Мжѣ до г. Коломака. Началась эта постройка немного ранѣе 1680 г. и вызвана была частыми нападеными татарь. Весь этотъ валъ на протяженіи около 200 верстѣ былъ построенъ безъ всякой посторонней помощи Гр. Ер. Донцомъ и козаками Харьковскаго полка; даже русскихъ служилыхъ людей не было на этой работѣ ²⁾. Кромѣ этого вала Григорій Ерофеевичъ продолжилъ еще бывшій уже перекопскій валъ, но къ 7-ми верстамъ онъ прибавилъ еще дѣльныхъ 100 верстѣ ³⁾.

¹⁾ П. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. II.

²⁾ Ibidem.

¹⁾ Изъ эпитафіона, писан. въ 1786 г. Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 57, прим. 35.

²⁾ Д. П. Багалъй. Очерки, стр. 487.

³⁾ К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 11.

Козаки городовъ, лежащихъ по вновь построенной чертѣ, должны были специально заниматься сторожевой и станичной службой, слѣдить за движеніями татаръ. Постройкой этой черты и заселеніемъ Изюма, какъ увидимъ ниже, Григорій Ерофеевичъ нѣсколько обезопасилъ отъ татарскихъ нападений свой Харьковскій полкъ, который отчасти пересталъ, такимъ образомъ, быть уже пограничнымъ; жители его теперь могли болѣе спокойно предаваться своимъ занятіямъ, почему въ Харьковѣ сторожевая служба сдѣлалась болѣе легкой, и число станичниковъ и сторожей въ городахъ поэтому уменьшилось. Главною же заслугою Донца, какъ строителя, была постройка укрѣпленнаго г. Изюма, въ мѣстности болѣе всего подверженной нападеніямъ татаръ. Городъ этотъ въ послѣдствіи сталъ центромъ возникшаго 5-го слободскаго козацкаго полка. Вновь построенный городъ былъ очень хорошо укрѣпленъ,—онъ состоялъ изъ большаго и малаго города, лежалъ на возвышенности, на самомъ берегу р. Донца въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ р. Изюмець съ лѣвой стороны.

Въ „вѣдѣніи“, присланномъ 31 іюня 1726 г. изъ полковой Изюмской канцеляріи объ Изюмскомъ слободскомъ полкѣ говорится: „г. Изюмъ и прочіе того полку мѣстечки и села набраны изъ-за Днѣпра и г. Корсуня и изъ прочихъ разоренныхъ тамошнихъ заднѣпровскихъ мѣстъ, и изъ Малой Россіи, и изъ Слободскихъ полковъ Сумскаго, Ахтырскаго и Харьковскаго малороссійскими служилыми черкасами, въ прошлыхъ давнихъ годахъ. А населенъ оный Изюмскій полкъ и устроенъ крѣпостями за старою бѣлгородскою чертою, отъ Крымской и Нагайской стороны, въ дикихъ степяхъ надъ рр. Сѣверскимъ Донцомъ и Осоломъ на татарскихъ бродахъ и перелазкахъ въ пропломъ сто восемьдесятъ девятомъ году“¹⁾. Уѣзжая изъ Харькова на постройку изюмской крѣпости, полковникъ Донецъ взялъ съ собою для работы 500 харьковскихъ козаковъ; 1000 шли за нимъ, кромѣ того велъ еще съ собою козаковъ и сынъ его Константинъ²⁾. Построенъ городъ, значитъ, былъ въ 1681 г., въ слѣдующемъ же 1682 г. Григорій Ерофеевичъ

¹⁾ В. В. Гуровъ. Сборникъ, стр. 594—595.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 534.

Донецъ получилъ отъ Московскаго царя грамоту, которая разрѣшила ему, согласно его „челобитію“, жить въ новостроенномъ г. Изюмѣ, заселить какъ его, такъ и смежныя съ нимъ мѣста—Спѣваковку и Пришибъ, призывая съ тою цѣлью козаковъ своего и другихъ слободскихъ полковъ „неслужилыхъ черкасъ“¹⁾. Грамота опредѣляла льготы новымъ переселенцамъ на 10 и на 15 лѣтъ, смотря по ихъ достаткамъ; они могли вести безпошлинную торговлю во всѣхъ городахъ, держать шинки, податей и оброковъ никакихъ не платить и „дальней полковой службы не нести“ и т. д. Григорій Ерофеевичъ, хотя и жилъ теперь въ г. Изюмѣ, но по прежнему оставался въ званіи Харьковскаго полковника; въ Харьковѣ-же жилъ сынъ его Константинъ и сталъ называться Харьковскимъ полковникомъ²⁾.

19 февраля 1684 г., въ царствованіи царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, полковникъ Донецъ получилъ вторую грамоту, въ которой подтверждались льготы, данныя грамотою 1682 г., и, между прочимъ, говорилось, что „пашенныя земли пахать и всякими угодыми владѣть по отводу генерала нашего и воеводы Гр. Ив. Косогова, а про межъ собою по раздѣлу по ихъ черкасскимъ обыкностямъ“ и, что составляетъ особенность, не бывшую въ другихъ полкахъ, „а воеводамъ и приказнымъ людямъ въ тѣхъ городѣхъ въ тѣ льготные годы у нихъ не быть, а вѣдать ихъ тебѣ и полку твоего урядникамъ; и въ тѣ-же льготные годы въ тѣхъ городѣхъ торговать имъ черкасы всякими товарами безпошлино“... и т. д.³⁾.

Такимъ образомъ Григорій Ерофеевичъ дѣлался полнымъ хозяиномъ во вновь заселенной мѣстности, не будучи стѣсненъ ни воеводами, ни другими русскими чиновниками. Подобнаго довѣрія онъ, конечно, вполне заслуживалъ, ибо все это было созданіе его рукъ; правительство было ему благодарно къ тому-же за устройство новой оборонительной линіи по Донцу.

Особый Слободскій Изюмскій полкъ выдѣлился въ 1685 г.⁴⁾.

¹⁾ Грамота 1682 г. Топогр. опис. Хар. нам., стр. 16—17.

²⁾ Багалъй. Матеріалы, т. I, стр. 180.

³⁾ Грамота 1684 г. Топогр. опис. Хар. нам., стр. 16—17.

⁴⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, 535. Грамота 1685 г. Филаретъ. Ист. стат. опис. Хар. епархін, V, стр. 8.